

«СЛУЧАЙНЫЙ» НИГИЛИСТ МАРК ВОЛОХОВ И ЕГО СОСЛОВНАЯ ГЕРАЛЬДИКА*

68 50

Когда Гончаров опубликовал статью «Лучше поздно, чем никогда» (1879), в которой развернул аргументы в «запоздалой» полемике с критикой «Обрыва» (1869), в частности о созданном им типе нигилиста, русский нигилизм как явление шестидесятилетнее уже сошел со сцены, став предметом мемуаристики и историко-философской рефлексии. Один из рецензентов «Обрыва» и в 1869 году считал возможным признать: «Нигилизм уже умер, и если тревожит порою живых, то — только как покойник, еще не вынесенный из дому».¹ Писавшие о нигилизме на рубеже 1870—1880-х годов подводили итоги.² Н. С. Лесков, автор классических антинигилистических романов «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870—1871), в 1882 году публикует рождественский рассказ «Путешествие с нигилистом», герой которого, легко опознаваемый по «геральдическим» знакам «нигилистического сословия», предстает уже не участником-инициатором национальной катастрофы, но персонажем комической перевернутой, как того требуют законы святочного жанра, фарсовой ситуации. В рассказе Лескова случайных попутчиков в вагоне провинциального поезда рождественской ночью больше всего пугает мысль о возможной встрече с нигилистом. И нигилист появляется: «...не было ни малейшего сомнения, что это настоящий, чистокровный нигилист, и потому сон у всех пропал сразу». Подозрительными кажутся попутчикам в незнакомце «грефовские круглые очки, неблагонамеренная фуражка, не православным блином, а с еретическим надзатыльником, и на плечах типический плед, составляющий в нигилистическом сословии своего рода „мундирную пару“...». Не вызывает доверия и лицо нигилиста — «не патлатое и воеводственное, как бывало у ортодоксальных нигилистов шестидесятих годов, а нынешнее — цуковатое, так сказать фальсифицированное и представляющее как бы некую невозможную помесь нигилистки с жандармом. В общем, это являет собою подобие геральдического козерога». У изображенного на аристократических гербах козерога, поясняет повествователь у Лескова, «вся фигура беспокойная и острая, как будто „счастья он не ищет и не от счастья бежит“».³ Утром, по прибытии на станцию, псевдонигилист оказывается «его превосходительством», прокурором судебной палаты.

Спецификации разнообразных типов в «нигилистическом сословии» Лесков уделил много внимания. В написанной в 1863 году рецензии на «Что делать?», оценив роман как «явление очень смелое, очень крупное и, в известном отношении, очень полезное»,⁴ он разделил «новых людей» на «на-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00274.

¹ А-в [Антропов] Л. Н. «Обрыв». Роман И. А. Гончарова // Заря: 1869. № 11. Отд. 2. С. 97.

² Помимо статей Н. Н. Страхова, о которых речь пойдет ниже, в эти годы появляются обобщающие работы А. А. Киреева, Д. П. Лебедева, М. Ф. Де-Пуле, И. Ф. Циона и др.

³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 126—127.

⁴ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996. Т. 3. С. 176. При этом, как признал рецензент, «роман странно написан и (...) в нем совершенно пренебрежено то, что называется худо-

стоящих», «хороших людей» и «базарствующих», или «нигилистствующих». «Талантливым пером Тургенева, — писал он, — обрисован Базаров, пронесено слово „нигилизм“, и завелись, или стали разводиться, думаете *нигилисты*? Нет, стали разводиться, или, лучше сказать, никто не стал разводиться, а рудинствующие импотенты стали импотентами базарствующими. (...) Только старому Рудину для этого много нужно было говорить, а нынешнему два слова: „Не с нами, так подлец“». «Я знаю, что такое настоящий нигилист, — продолжает Лесков, — но я никак не доберусь способа разделить настоящих нигилистов от пальных шавок, окричавших себя нигилистами».⁵ Задача разделения нигилистов на «настоящих», «полюбивших добро и возненавидевших ложь», и «приставших к ним дурачков» и революционных «нетерпеливцев» решалась в романе «Некуда». «Я дал в „Некуда“, — признавался позднее автор, — симпатичный тип русских революционеров: Райнера, Лизу Бахареву и Помаду. Пусть укажут мне в русской литературе другое произведение, где бы настоящие, а не самозванные нигилисты были так беспристрастно и симпатично оценены? Ведь во всякой партии есть симпатичные и благородные люди. Я их нашел в лице Райнера, Лизы Бахаревой и Помады. Разве „Маркушка“ Гончарова, „Бесы“ Достоевского, „Полюровщина“ Крестовского или „импотенты“ Тургенева в „Нови“ лучше моих страдальцев?».⁶

Во всех вынужденных объяснениях Гончарова с критикой по поводу «Обрыва» — в «Предисловии» к отдельному изданию романа, которое писалось в ноябре 1869 года, но опубликовано не было, составив основу более поздних статей «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» (1872; также не публиковалась) и «Лучше поздно, чем никогда» — речь шла о Марке Волохове. К резкому неприятию критикой его нигилиста, к «общему со всех сторон к нему неблагоприятию»⁷ писатель, очевидно, готов не был и в своих «авторских исповедях» стремился «отклонить, по возможности, от себя упрек в враждебном будто бы отношении (...) к новому поколению, выраженном в лице одного из действующих лиц романа, именно Марке Волохове, которого поняли как представителя нового поколения, новой жизни, новых идей и т. д.» (6, 425).

Одна из напряженных проблем авторефлексии в гончаровских статьях — злободневность созданного в романе *типа* нигилиста или же, напротив, его анахроничность. И вторая, с ней связанная, — проблема «крайностей» и искажений в романной репрезентации явления, следовательно, вопрос об авторской объективности или тенденциозности. В «Предисловии» к «Обрыву» Гончаров настаивал на том, что его Марк «устарел», что если это и тип, то тип «запоздалый»: «Марк Волохов (...), конечно, успел устареть в последнее десятилетие, и едва ли в современном поколении найдется такое

жественностью. (...) Роман г. Чернышевского со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон» (Там же).

⁵ Там же. С. 178—179, 182.

⁶ *Фаресов А. И.* Против течений. Н. С. Лесков: Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904. С. 59—60 («Полюровщина» — дилогия В. В. Крестовского «Кровавый пух», от фамилии ее героя Ардальона Полюрова). О типологии нигилистов у Лескова см., например: *Троицкий В. Ю.* Идеино-эстетическая борьба вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: (Н. Г. Чернышевский, Н. С. Лесков, И. А. Гончаров) // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М., 1990. С. 123—125; *Старыгина Н. Н.* Роман Н. С. Лескова «На ножах»: человек и его ценностный мир. М., 1995; *Чередниченко Л. В.* Символическое значение социального конфликта в романе Лескова «На ножах»: (К вопросу о нигилизме) // *Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века*. М., 1997. С. 157—164, и др.

⁷ *Гончаров И. А.* Лучше поздно, чем никогда // *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 126. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

резкое выражение крайностей». Однако далее, излагая те идеи *типического*, которые будут неоднократно повторены в его поздних письмах и критических очерках, Гончаров продолжает: «...новая жизнь очень нова и молода. Она сложилась и еще не сложилась, а складывается под условием новых реформ общей русской жизни (...). Люди не успели повториться во стольких экземплярах одного направления, воспитания, идей, понятий, чтобы образовать группу так называемых типов, они тоже живут, так сказать, „в теории” и в „области мышления”, следовательно, около них не успела устояться известная сфера нравов, быта, которые бы представляли определенную форму, рисунок новой жизни, новых людей, за исключением разве тех ярких крайностей, которые бросаются всем в глаза» (6, 431, 445). То есть Волохов как «резкое выражение крайностей» одного из пореформенных «направлений» для Гончарова — одновременно и отзвук уже сошедшего со сцены явления, и контур только еще складывающегося в определенную форму «рисунок новой жизни».

Характерно, что дальше автор «Предисловия» обращается к современной беллетристике и, не называя — едва ли случайно — романов Тургенева, как и других актуальных «шестидесятнических» произведений, рассуждает о текущей литературе: «...молодая литература, формируясь, еще идет колеблющимися шагами и не выражает собою никакой определенной физиономии, несмотря на замечательные таланты. Я говорю собственно про беллетристику. Она не дотрогивается до молодой, не устоявшейся жизни, медлит черпать сюжеты из своего круга и ищет пока их в народном быту, также еще не окрепшем в новых условиях жизни. Образцы и в этом роде, данные новыми талантами, замечательны, но также не новы. Их опередили и тут люди тридцатых и сороковых годов: Тургенев в „Записках охотника”, Григорович в „Бобыле” и „Антоне Горемыке”, позднее Писемский в „Плотничной артели” и „Горькой судьбине”. (...) Серьезное искусство — не диорама: оно откажется озарять своим светом новорожденные черты, не узнаваемые завтра...» (6, 445). Названы произведения конца 1840—1850-х годов. «Новорожденные» романы, в том числе и многочисленные «нигилистические», не упомянуты.

Современную «Обрыву» литературную ситуацию Гончаров воспринимал как безвременье. В одном из писем к Екатерине Майковой начала 1869 года (острый диалог с этой корреспонденткой сопровождал публикацию романа в первых пяти номерах «Вестника Европы») он признавался: «Очень понятно, что воспитание и деятельность молодого поколения ушла в одну сторону и не дала ни одного художника своему времени. А между тем не от нас, стариков, а от этих новых художников она только и могла ожидать создания лучших типов новых людей, которых мы, старики, не можем ни знать хорошо, ни быть их адвокатами и певцами...» (8, 352).

Те же мысли прозвучали в статье «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв”»: «...старые художники дописывают старую жизнь и прежних людей. Новых еще нет: сама новая жизнь не сложилась в определенную физиономию, и люди не имеют определенного лица и характера. (...) Старые люди еще не перевелись, а новые не созрели и не представляют никаких определенных физиономий, с которых художник мог бы писать портреты. (...) Новая жизнь и новые люди не вылупились еще из яйца» (6, 458).

Написано это в 1872 году. И показательно, как настойчиво повторяет Гончаров само словосочетание «новые люди», по сути отказывая тем, кто «не вылупился еще из яйца», в их исторической роли и правах. Суждения писателя отмечены характерной для его мышления анахроничностью, которая и в романах определяет преобладание условного текстового времени над

реальным и временной статики над динамикой. В критике и публицистике Гончарова, кроме того, неизменно присутствует осторожный и осмотрительный релятивизм. И *новые люди*, и *нигилисты* не только вполне к 1870-м годам оформились в социальный и литературный *тип*, но и претерпели серьезную эволюцию, и беллетристика этих лет их «определенные физиономии» запечатлела достаточно отчетливо. «Как бы это нас ни огорчало, но, кажется, целый период нашей литературы придется назвать *нигилистическим*», — напишет позднее Н. Н. Страхов об этом значительном периоде русской литературы.⁸

Собственную задачу реализации в образе Волохова сложного синтеза типического (исторически обусловленного) и сверхтипического (вневременного, всечеловеческого) Гончаров в письмах и критических статьях пояснял не раз. Так, он писал о Волохове Екатерине Майковой: «Он имеет в себе кое-что современное, и то несовременное, потому что во все времена и везде были люди, не сочувствующие господствующему порядку. Я его не оскорбляю, он у меня честен и только верен себе до конца» (8, 343). В «Предисловии» к «Обрыву» писатель возвращался к той же мысли о балансе современного/несовременного в герое-идеологе, прибегая к широким обобщениям: «Такие вожди появляются по временам и в другой среде, именно в народе: одни из них фанатики, другие плуты. Не понав или исказив умышленно смысл священного писания, они создают какой-нибудь уродливый догмат и несут свою проповедь в темные углы — первые, руководствуясь горячешным порождением своей фантазии, а вторые — для эксплуатации народной простоты — и часто успевают» (6, 431). И еще одно авторское замечание о Волохове принципиально важно. «Судя меня строго, — писал Гончаров Майковой, — не выпускайте из вида одно обстоятельство, что моя главная и почти единственная цель в романе — есть рисовка жизни, простой, вседневной, как она есть или была, и Марк попал туда случайно» (8, 353; курсив мой. — А. Г.).

«Случайность» своего героя-нигилиста автор «Обрыва», как видим, создал. Он наделен узнаваемыми чертами радикала-шестидесятника, однако действие романа, вопреки конкретной историко-социальной заданности персонажа, разворачивается в реалиях дореформенной эпохи, при крепостном праве. «Случайным» поэтом в Волохове оказывается именно «нигилизм».

Если характер центрального персонажа «Обрыва», художника Райского, в немалой степени определявший его автопсихологической природой, начал оформляться на самых ранних этапах работы над романом (с вариантом названия «Художник») и радикальных изменений не претерпел, то с Марком Волоховым, соперником Райского согласно как первоначальной «программе» «Обрыва», так и его окончательной сюжетной схеме, дело обстояло иначе. О том, каким был задуман и как трансформировался на протяжении двадцати лет работы над романом образ «второго героя, любовника Веры», идеолога «новой правды», сохранилось несколько авторских свидетельств.

В мае 1869 года, когда публикация романа завершалась, Гончаров писал Майковой: «Вы немножко нападаете на меня за роман, то есть за Марка Волохова. Не Вы — первая: были и другие нападки (...). А сказать ли, когда задуман этот роман? В 1849 году, когда я сам был на Волге, — и хотя я там родился, но тут как будто в первый раз увидел этот край и людей». И далее в письме Гончаров поясняет то, что действительно оставило в тексте романа

⁸ Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. 1861—1865. СПб., 1890. С. VIII.

заметные не только автору «швы»: «Я совершенно согласен с Вами, что это лишнее в Марке, что он занимает деньги, надевает чужое пальто и т. д. Но это такие внешние и поверхностные черты, что рисуют не характер, а только привычки небрежного воспитания. Но ведь Марк во 2-й части — не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й: он у меня вышел сшитым из двух половин, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов, а другая — позднее, когда стали нарождаться новые люди. Первоначальный Марк задуман был как враг старого порядка — это правда, но таким пока врагом, который протест свой против старой дури, своеволия и прочее выражает, рисуя карикатуры, травя собаками полицию и вообще преследуя грубо и цинически, что ему не нравится. А после уже он является немного иначе, но тоже нехорошо. Эти крайности, повредившие серьезно направлению молодых людей, проявлялись не в двух-трех нигилистах, как вы говорите, а в целом легионе, который вдруг явился в семействах, на улицах — всюду, наводнил города — и я сам видел (не двух и трех, а десятки) их в 1862 году и в Москве и на Волге...» (8, 352—353).

В «Предисловии» к «Обрыву» Гончаров сообщал о Волохове: «Эта фигура не входила собственно в задачу романа и не составляла вовсе заметного в программе лица, а оставалась на третьем плане, в тени. Она нужна была, как вводное лицо, для полной обрисовки личности Веры. Посетив вторично провинцию в 1862 году, я уже не мог не заметить яркие, характеристические черты в некоторых личностях, бросившиеся всем в глаза, производившие толки в обществе. Под влиянием этого наблюдения, конечно, черты эти сложились под пером моим в личность Волохова» (6, 429).⁹

Рассказ о трансформации «случайного» героя вошел и в текст не публиковавшейся при жизни писателя «Необыкновенной истории» (1875—1879). «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, — пояснял здесь Гончаров, — у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по *неблагонадежности*, вольнодумец. Но такого резкого типа, каким вышел Волохов, не было, потому что в 40-х годах нигилизм еще не проявился вполне. А посылали по губерниям часто заподозренных в вольнодумстве лиц. Но как я тянул, писал долго, то и роман мой видоизменялся сообразно времени и обстоятельствам. Я был вторично в 1862 году на Волге — и тогда Волоховы явились повсеместно уже такими, каким он изображен в романе. Потом, по первоначальному плану, Вера, увлекшись Волоховым, уехала с ним в Сибирь...».¹⁰

В статье «Лучше поздно, чем никогда», написанной с целью «раз навсегда разъяснить свой собственный взгляд на мои авторские задачи», понятие *нигилизм* в качестве главной причины возникших вокруг «Обрыва» критических «недоразумений» появляется на первых страницах: «А тут еще вторгнулось в общество новое явление, так называемый *нигилизм*, явление сложное — и заглушило, на время конечно, чистый вкус, здравые понятия в искусстве, примешав к нему бог знает что» (8, 101, 103).

⁹ Ср. в статье «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“»: «В первоначальном плане романа на месте Волохова у меня предполагалась другая личность — также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся, по своим новым и либеральным идеям в службе и в петербургском обществе, и посланная на жительство в провинцию, но более сдержанная и воспитанная, нежели Волохов. Вера также, вопреки воле *Бабушки* и целого общества, увлеклась страстью к нему и потом, вышедши за него замуж, уехала с ним в Сибирь, куда послали его на жительство за его политические убеждения. Но посетив в 1862 году провинцию, — я встретил и там, и в Москве несколько экземпляров типа, подобного Волохову. Тогда уже признаки отрицания или нигилизма стали являться чаще и чаще...» (6, 463).

¹⁰ *Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Ф. Будановой // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 200.*

И вновь, уже в новой редакции, созданной после процитированных выше текстов, повторяется у Гончарова повествование о превращении человека 40-х годов, либерала, ссыльного «вольнодумца» в «резкую фигуру Волохова»: «Но как роман развивался вместе с временем и новыми явлениями, то и <...> предположенный зародыш *неблагонадежного* превратился к концу романа уже в резкую фигуру Волохова, которая появилась кое-где в обществе. В 1862 году, когда я ездил вновь по Волге, прожил лето на родине, был в Москве, мне уже ясно определилось это лицо» (8, 127).¹¹

О многом говорит во всех гончаровских текстах конкретизация времени появления «целого легиона» нигилистов — 1862 год. Это не только год поездки автора «Обрыва» на Волгу, биографический факт, это и год публикации в февральском номере «Русского вестника» «Отцов и детей» — романа, которого Гончаров ни разу ни в одной из статей об «Обрыве» не упоминает, однако «повсеместное» явление «расплодившихся в разных видах» Волоховых в данном случае не может не ассоциироваться с выходом в свет тургеневского романа. Датируя явление, но не утверждая факта зависимости между публикацией «Отцов и детей» и «повсеместным» появлением нигилистов, Гончаров косвенно подтверждает и признает то, чему современники оставили многочисленные свидетельства.

* * *

Феномен воздействия на общественное сознание «Отцов и детей» раньше других и, пожалуй, точнее других определил М. Н. Катков в первой из двух своих статей о тургеневском романе. Он писал: «Произведение г. Тургенева находится в обстоятельствах совершенно исключительных. Взятое из текущей жизни, оно снова входит в нее и производит во все стороны сильное практическое действие, какое едва ли когда производило у нас литературное произведение. Рампа исчезла, актеры и зрители смешались. Роман как будто еще продолжается; произведенное им действие, явления, которые он вызвал, — как будто новая глава в нем, как будто эпилог к нему». Вопрос о подлинности изображенного Тургеневым «типа» Катков снимает: «Этот эпилог, разыгрывающийся в действительности, служит отличным комментарием романа <...>. Верен ли тип, изображенный в Базарове? Есть ли истина в замысле этого типа? <...> в настоящем случае вопрос решается без всяких затруднений. Самую лучшую поверкою изображенного типа служит произведенное им действие».¹²

Автор статьи фиксирует явление экспансии литературы в область действительности, сознавая его исключительность: роман и отражает реальность, и формирует ее, производит «сильное практическое действие». Тот же эффект «исчезновения рамп», прямого воздействия литературного текста на социальную реальность повторится после публикации в 1863 году романа «Что делать?», задуманного Чернышевским как ответ Тургеневу.¹³

¹¹ Реконструкция первоначального замысла — «зародыша *неблагонадежного*» — по сохранившимся рукописям романа была осуществлена Н. К. Пиксановым, позднее и значительно полнее — Л. С. Гейро. См.: Пиксанов Н. К. Роман И. А. Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968. С. 44, 57—59; Гейро Л. С. 1) Из истории создания романа И. А. Гончарова «Обрыв» (К эволюции образов Веры и Марка Волохова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 51—73; 2) «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. Т. 102. С. 119—133.

¹² Катков М. Н. Роман Тургенева и его критики [1862] // Катков М. Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 466—467.

¹³ Исследованию этого явления посвящена известная монография И. А. Паперно. О взгляде на литературу как феномен, структурирующий реальность, она, в частности, пишет: «Что

О поразившем его «взаимодействии» книги и реальности напишет и Герцен в статье «Еще раз Базаров» (1868): «Странная вещь — это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью. Оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени. В конце прошлого века все немцы сбивали немного на Вертера, все немки на Шарлотту; в начале нынешнего — университетские Вертеры стали превращаться в „разбойников“, не настоящих, а шиллеровских. Русские молодые люди, приезжавшие после 1862, почти все были из „Что делать?“, с прибавлением нескольких базаровских черт».¹⁴

Явление взаимовлияния литературы и реальности не обошел вниманием и Страхов, нигилизм считавший своей «специальностью».¹⁵ В предисловии к сборнику статей «Из истории литературного нигилизма» (1890) он размышлял: «Определить истинный объем и истинное значение этого явления не так легко. За что его принять? За некоторый фазис в развитии русской литературы или за временную заразу, случайно попавшую в здоровый организм и потом изгнанную из него усилением жизни. Внешние его размеры очень велики».¹⁶ Значительно раньше, наблюдая начальные фазы явления и иронически замечая, что нигилизм «едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты», Страхов видел лишь «темную и пеструю толпу, которая (...) была преисполнена бесчисленных зачатков и хорошего, и дурного; это был несложившийся, туманный, чреватый будущим хаос». Таковым, по мысли критика, нигилизм оставался до тех пор, пока «лучший мастер, которому только можно было поручить подобное дело, И. Тургенев изобразил живьем, с кровью и плотью — представителя, образцового члена загадочной толпы. Мнения и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармонии. В завершение всего Тургенев открыл и создал самое трудное; он угадал имя этого человека, он назвал его *нигилистом*». Страхов свидетельствовал: «...из всего, что есть в романе Тургенева, слово *нигилизм* имело самый громадный успех. Оно было принято беспрекословно и противниками, и приверженцами того, что им обозначается. Но с особенною радостью, кажется, схватились за это слово приверженцы, то есть толпа, то есть хаос, словом то, что до тех пор было безвидным и безыменным и что вдруг получило вид и имя! Теперь это имя повторяется в печати ежедневно и ежемесячно нескончаемое число раз».¹⁷

касается философских оснований такого подхода, то можно провести параллель между идеями семиотики культуры и философией символических форм Эрнста Кассирера, согласно которой язык, миф, историческая и научная мысль, искусство и литература создают, а не отражают то, что называется человеком „реальным миром“. Хаос непосредственного чувственного восприятия, эмоций, желаний, интуитивных постижений и мыслей обретает форму и смысл лишь тогда, когда становится символической системой, обладающей связностью и выразительностью. Эти идеи, зародившиеся в 1920-е годы, в контексте неокантианства, были опознаны современными семиотиками как „протосемиотические“» (*Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1995. С. 187*). Нет смысла, разумеется, рассматривать позицию редактора «Русского вестника» как протосемиотическую, однако точность его социокультурного анализа нельзя не признать.

¹⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 20. Кн. 1. С. 337. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно (*Герцен*), с указанием номера тома и страницы.

¹⁵ Свою рецензию на роман Чернышевского «Счастливые люди» (1863; опубли.: 1865) Страхов начал признанием: «Особенно следил я за предметом, который, как мне кажется, я могу с некоторым правом считать своею специальностью — за нигилизмом» (*Страхов Н. Н. Счастливые люди // Н. Г. Чернышевский: Pro et contra: Личность и творчество Н. Г. Чернышевского в оценке русских писателей, критиков: Антология. СПб., 2008. С. 555*).

¹⁶ *Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. С. VIII.*

¹⁷ Там же. С. 201—203.

«*Нигилисты*, которых мы видим и которые нам успели надоесть своими гадостями, — писал Лесков, — достались нам по наследству, а сгруппировал их и дал им пароль и лозунг не „Современник“, а Иван Сергеевич Тургенев. После его „Отцов и детей“ стали надюжаться эти уродцы российской цивилизации. Начитавшись Базарова, они сошлись и сказали: „Мы сила“».¹⁸

«Изобретение» понятия «нигилизм» современники единодушно приписывали Тургеневу. «Слово „нигилисты“, — писал в 1863 году Салтыков-Щедрин, — пущено в ход И. С. Тургеневым...»¹⁹ О том же позднее вспоминал П. В. Анненков: «...вместе с Базаровым найдено было и меткое слово, хотя вовсе и не новое, но отлично определяющее как героя и его единомышленников, так и самое время, в которое они жили, — нигилизм. (...) Подсказанное слово дало содержание целым трактатам и воззрениям. Русская молодежь долго не могла простить Тургеневу этого слова, которым завладели журналисты и применили к ней самой».²⁰ Об общепризнанности слова писал и Герцен в статье «Еще раз Базаров»: «К нему привыкли, оно принято друзьями и врагами, оно попало в полицейский признак, оно стало доносом, обидой у одних — похвалой у других» (*Герцен*; 20-1, 349). Сам Тургенев в статье «По поводу „Отцов и детей“» (1869) вспоминал, что сразу после появления романа в «Русском вестнике» «слово „нигилист“ было подхвачено тысячами голосов», и признавался: «Выпущенным мною словом „нигилист“ воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом. Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено мною это слово; но как точное и уместное выражение проявившегося — исторического — факта; оно было превращено в орудие доноса, бесповоротного осуждения, — почти в клеймо позора».²¹ По оценке Ю. С. Сорокина, после публикации «Отцов и детей» слова «нигилист», «нигилизм» «получили особую популярность, стали ходкими, распространенными».²²

Авторство Тургенева в создании слова «нигилист» в длительной научной полемике было убедительно оспорено. М. П. Алексеев зафиксировал случаи его употребления «без определенной смысловой окраски» в 1830—1850-е годы, впрочем признав, что «настоящая история» слова «начинается только с того момента, когда Тургенев применил его к типической психологии шестидесятника; внезапно, с чудодейственной быстротой, оно приобрело новый смысл и силу влияния».²³ Разыскания были продолжены Б. П. Козьминым и А. И. Батюто,²⁴ дополнены в работах исследователей

¹⁸ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 179.

¹⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. С. 15 (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно (*Салтыков-Щедрин*), с указанием номера тома и страницы). Характерно и более позднее признание критика: 24 сентября 1875 года он писал Анненкову: «Какое, однако, слово Тургенев выдумал „нигилисты“ — всякая собака им пользуется» (*Салтыков-Щедрин*; 18-2, 208).

²⁰ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 458.

²¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 87, 93. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно (*Соч.*; *Письма*), с указанием номера тома и страницы.

²² Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30—90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 60.

²³ Алексеев М. П. К истории слова «нигилизм» // Сб. Отд. рус. яз. и словесности АН СССР. Л., 1928. Т. 101. № 3. С. 413—417. Здесь впервые указана статья Н. И. Надеждина «Сонмище нигилистов» (1828).

²⁴ Исследователь эпохи 1860-х годов Б. П. Козьмин «второе рождение» слова связывал с именем редактора «Русского вестника» М. Н. Каткова, использовавшего его в полемических статьях 1861 года, направленных против «Современника». А. И. Батюто отстаивал мысль, что Катков к этому времени читал роман Тургенева в рукописи. См. подробнее: *Козьмин Б. П.* 1) Два

шестидесятничества А. И. Новикова, Ф. Ф. Кузнецова и других.²⁵ Сославшись на факты частого использования слова в немецкой философии XVIII века, П. Тирген указал в качестве идеолога не только «интеллектуального», но и «религиозного и морального нигилизма» Людвига Бюхнера, чье изданное в 1855 году главное сочинение «Сила и материя» Базаров и Аркадий Кирсанов предлагают прочитать вместо Пушкина (в 10-й главе романа) Николаю Петровичу Кирсанову.²⁶ В качестве философской составляющей нигилизма важны, как подчеркнул Тирген, труды вульгарных материалистов К. Фогта и Я. Молешотта, занимавших, как и Бюхнер, «прочное место в научных и политических спорах России».²⁷ В русской редакции, уже как определение общественного явления, слово вновь вернулось на Запад: европейские исторические словари и справочники, по свидетельству М. П. Алексеева, ведут его происхождение «из русского языка или прямо относят его авторство к Тургеневу».²⁸

Ценные историко-литературные (от Тургенева к Льву Толстому и Ф. Ницше) и лексикографические сведения собраны в статье «Нигилизм» Р. Ю. Данилевским.²⁹ Он, в частности, привел «колоритный текст» из третьего издания словаря В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртунэ (1905). Если Даль определял нигилизм как «безобразное и безнравственное учение, отвергающее все, чего нельзя ощупать», то редактор третьего издания предложил свое толкование: «Собственно: 1) Теоретический, научный нигилизм: отрицание всего, непризнание авторитетов и принципов. 2) Практический нигилизм: разрушение всего, разрушение существующего порядка, стремление к перевороту». В этой же статье «нигилист» определяется как «последователь подобных учений: радикал, революционер. По внешнему виду: студент и вообще „интеллигент“, с длинными волосами, в очках, грязный; вообще в устах людей мало развитых и необразованных: бранная кличка, вроде как „сыщылист“ (социалист) и т. п.».³⁰

Наконец, А. В. Михайлов в большой работе «Из истории „нигилизма“», проследив истоки понятия начиная с сочинений Жан-Поля и Фихте, пришел к выводу: «Естественно, Тургенев не собирался вводить кого-то в заблуждение, когда утверждал, что „выпустил“ слово „нигилизм“. Это и была, и есть чистая правда, поскольку Тургеневу удалось „выпустить“ это слово так, что его предыстория была тотчас же забыта — забыта всеми, начиная с самого писателя, и забыта на долгие десятилетия. (...) Это — самое настоя-

слова о слове «нигилизм» // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1951. Т. 10. Вып. 4. С. 378—385; 2) Еще о слове «нигилизм»: (По поводу статьи А. И. Ватюто) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 6. С. 526—528; 3) Литература и история: Сб. статей. М., 1969. С. 225—242; *Ватюто А. И.* К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: (По поводу статьи Б. П. Козьмина «Два слова о слове „нигилизм“») // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 6. С. 520—525. См. также: *Пустовойт П. Г.* Роман Тургенева «Отцы и дети»: Комментарий. 3-е изд., дораб. М., 1991. С. 130—133.

²⁵ См.: *Новиков А. И.* Нигилизм и нигилисты: Опыт критической характеристики. Л., 1972. С. 30—33; *Кузнецов Ф. Ф.* «Нигилизм» и нигилизм. О некоторых новомодных трактовках творческого наследия Писарева // *Кузнецов Ф. Ф. Круг Писарева.* М., 1990. С. 701—743.

²⁶ *Тирген П. К.* проблеме нигилизма в романе Тургенева «Отцы и дети» // *Русская литература.* 1993. № 1. С. 37—47.

²⁷ Там же. С. 44—46.

²⁸ *Алексеев М. П.* К истории слова «нигилизм». С. 414. Характерно, что Мопассан одну из двух своих статей о Тургеневе назвал «Изобретатель слова „нигилизм“» (1880). Ту же точку зрения поддержал в работе «Европейский нигилизм» (1967) М. Хайдеггер (см.: *Новиков А. И.* Нигилизм и нигилисты. С. 30—31).

²⁹ *Данилевский Р. Ю.* «Нигилизм» (К истории слова после Тургенева) // *И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества.* Л., 1990. С. 150—156.

³⁰ Там же. С. 151—152; со ссылкой: Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля. 3-е испр. и значительно доп. изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртунэ. СПб.; М., 1905. Т. 2. Стб. 1411—1412.

щее, подлинное (и почти беспримерное) *деяние* поэта, и это значит для нас лишь двоякое:

1) роман Тургенева — одно из самых заметных и центральных событий в истории „нигилизма“;

2) поэтический мир и поэтика романа Тургенева таковы, что они оказались способными „переродить“ — или заново произвести на свет „нигилизм“». ³¹

Отметим еще раз фигуру умолчания у Гончарова: он не называет тургеневского романа, указывая лишь год его публикации, однако для современников дата была говорящей. Характерна, помимо приведенных выше свидетельств, ироническая реплика в одном из писем Салтыкова-Щедрина. Упомянув о приезде в Петербург Тургенева, он продолжает стихами: «Сей старец дорог нам; он жив среди народа / Священной памятью... / Шестидесят второго года» (*Салтыков-Щедрин*; 18-2, 47).³² Гончаров, таким образом, в статьях об «Обрыве» неявно (и неохотно), но по сути разделяет с современниками признание исключительной роли «Отцов и детей» в формировании русского нигилизма как явления и в оформлении его «геральдики», как определил эту систему культурных знаков Лесков.

* * *

Нигилизм базаровского типа в демократических кругах вызвал противоречивые оценки. Его принял и поддержал Д. И. Писарев в статье «Базаров» (1862), его отверг сотрудник «Современника» М. А. Антонович, увидевший в Базарове карикатуру на молодое поколение («Асмодей нашего времени», 1862). Не принял Антонович и понятия «нигилизм», «бессмысленного», по его словам, толкуемого то как философское направление, то как течение в литературе, то как «практическая базаровщина».³³ Продолжившаяся в 1863—1866 годах полемика между «Русским словом» и «Современником» приобрела известность как «раскол в нигилистах». Далеко не однозначным было отношение к «базаровщине» и у Герцена.

Литература о русском нигилизме 1860-х годов огромна. Ведущим его теоретиком принято считать Писарева, хотя систему политико-социальных и эстетических идей, пропагандировавших Писаревым и «Русским словом», правомерно определять понятием «реализм», полемическим к понятию «нигилизм», чему специальную работу «„Нигилизм“ и нигилизм» посвятил Ф. Ф. Кузнецов.³⁴ В качестве ближайших прототипов Базарова рассматриваются, как правило, Добролюбов и Чернышевский.³⁵ Как отметил Ю. В. Манн, «это верно лишь в том смысле, что в Базарове отразились (не могли не отразиться) некоторые черты психологии, мировоззрения „новых людей“, в том числе и Добролюбова».³⁶

³¹ Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000. С. 609—610.

³² Письмо к А. М. Жемчужникову от 22 июня 1870 года. Перефразированы пушкинские строки из «Второго послания к цензору»: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа / Он славен славою двенадцатого года...»

³³ Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 108—113.

³⁴ См.: Кузнецов Ф. Ф. «Нигилизм» и нигилизм. С. 709—733. Также см.: Искра Л. М. Д. И. Писарев и его роль в истории русской общественно-политической мысли. Воронеж, 1988.

³⁵ «Если б, писавши, сверх того — ты забыл о всех Чернышевских в мире, было бы для Базарова лучше» (Герцен; 27-1, 217), — писал Тургеневу Герцен 9 (21) апреля 1862 года, сразу по прочтении романа.

³⁶ Манн Ю. В. Базаров и другие [1968] // Манн Ю. В. Тургенев и другие. М., 2008. С. 48. Вопрос о прототипах Базарова в тургеневедении широко освещен в работах Г. А. Бялого, П. Г. Пустовойта, А. И. Батюто, В. М. Марковича, Н. Ф. Будановой и др.

Один из современных исследователей феномена нигилизма справедливо разграничивает его концептуальные модели. «В ходе обсуждения феномена нигилизма, — пишет А. Ш. Бик-Булатов, — публицистами были выдвинуты различные концепции, выясняющие природу нигилизма: охранительно-монархическая — М. Катков; почвенническая — Ф. Достоевский; славянофильская — И. Аксаков; либеральная — С. Громека, Н. Альбертини и др.; революционно-демократическая — Н. Чернышевский, М. Антонович, М. Салтыков-Щедрин; собственно нигилистическая — Д. Писарев. <...> Главная сложность, с которой сталкиваются исследователи русского нигилизма, заключается в многоаспектности самого русского вопроса о нигилизме, вытекающей из многозначности трактовок этого термина. В самом деле, нигилизм — это и определенная тенденция, настроение в обществе, неприятие общественных норм; это — и качество, присущее определенным (а то и всем) слоям населения, связанное с социальной дезорганизацией; и качество, присущее особо некоторой части русской молодежи, возможно даже, некий типобразующий фактор; нигилизм — это и философский метод, подход в оценке литературных произведений, исторических научных сочинений, общественных событий; это — и манера ведения полемики, комплекс публицистических приемов, выражающийся подчас в неуважении к собственному противнику и острой полемичности; это же — и определенная, исторически обоснованная тенденция в отечественной литературе; и, наконец, это — некая политическая партия (в том значении, какое это слово имело в 1860-х годах), группа, исповедующая определенные идеалы, чьи воззрения выражаются в так называемых „нигилистических изданиях“».³⁷

Если иметь в виду «литературный нигилизм», то после «Отцов и детей» значительное влияние на формирование и развитие типа русского радикала оказал роман «Что делать?». Стоит, однако, помнить, что понятие «новые люди» было предложено Чернышевским в качестве позитивной альтернативы понятию «нигилист».³⁸ Катков в поздней статье (1879), посвященной роману, трактовавшемуся по преимуществу негативно, отметил это сентиментально окрашенное «позитивное» начало: «Надо отдать справедливость и автору романа „Что делать?“». <...> Многое, что представлялось ему как греза, совершилось воочию: новые люди разошлись или сами собой, или разосланы на казенный счет по градам и весям, тщатся на практике осуществить уроки учителя, далеко превзойдя его надежды, еще запечатленные некоторой сентиментальностью. <...> Этот тип разросся страшно, и Маниловы нигилизма составляют теперь главную часть нашей интеллигенции».³⁹

«Роман, конечно, написан сказочно», — писал Страхов в упомянутой рецензии на «Что делать?» с характерным названием «Счастливые люди». «Самый добродушный оптимизм господствует в нем с начала до конца...».⁴⁰ «Добродушно-оптимистической» антропологии Чернышевского, его идее

³⁷ Бик-Булатов А. Ш. Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX века: 1860-е годы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

³⁸ См.: Паперно И. Семиотика поведения. С. 16—17. После публикации «Что делать?» в общественном сознании, как отмечает Н. Н. Старыгина, сложились два стереотипа: с понятием «новый человек» была связана идеализация демократических тенденций, с понятием «нигилист» — их деидеализация (см.: Старыгина Н. Н. Нигилист и «новый человек»: литературные версии социального явления // Дискуссионные проблемы российской истории. Арзамас, 1998. С. 523—525).

³⁹ Катков М. Н. Нигилизм по брошюре проф. Цитовича «Коран нигилизма. Что делали в романе „Что делать?“» // Катков М. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 689, 693—694.

⁴⁰ Страхов Н. Н. Счастливые люди. С. 574, 572.

прогресса Достоевский, как известно, противопоставил *подполье*. «Записки из подполья» создавались им в полемике с «Что делать?».

Позиция Гончарова по отношению к этике, философии, социальной практике радикалов-шестидесятников едва ли исчерпывающе освещена в научной литературе. Важнейшим материалом для воссоздания этой позиции остаются его цензورские отзывы.⁴¹ Исследованные в полном объеме,⁴² они (прежде всего отзывы о журналах «Русское слово» и «Современник») позволили В. А. Котельникову прийти к выводу, что ни покушению Д. В. Каракозова, ни революционному подполью и терроризму Гончаров «не придавал особого значения, считая случившееся прискорбным, но все-таки исключительным явлением в правильном ходе русской жизни». В составленных им в середине 1860-х годов служебных документах писатель «не обнаруживал большой обеспокоенности тем, куда ведет и чем чревата в дальнейшем деятельность „популяризаторов отрицательных доктрин“. Их посягательства на религиозные, нравственные, семейные устои, пропаганда новейших экономических и социальных начал представлялись ему порождением временного нигилистического поветрия».⁴³ «В 1860-е годы становится особенно очевидным тот факт, — заключает В. А. Котельников, — что Гончаров рассматривал настоящее и прошлое России с позиции своего двойственного „либерально-консервативного“ историзма, в отличие от этического историзма Л. Н. Толстого и эсхатологического историзма Ф. М. Достоевского. Социопсихологическая диагностика и прогнозика, а тем более философская рефлексия над историческим материалом не были свойственны Гончарову». И далее: «Серьезных сомнений в том, что в России осуществимы и социальный прогресс, и сохранение нравственных и культурных традиций, у Гончарова, как свидетельствуют известные нам источники, не было. Нараставшая с 1860-х годов революционная активность не возбудила в нем вопросов о будущем: в ее проявлениях он видел временные эксцессы, а не начало радикальной ломки русской жизни».⁴⁴

«Вопросы о религии, о семейном союзе, о новом устройстве социальных начал, об эмансипации женщины и т. п., — писал Гончаров в «Предисловии» к «Обрыву», — не суть частные, подлежащие решению той или другой эпохи, той или другой нации, того или другого поколения вопросы. Это общие, мировые, спорные вопросы, идущие параллельно с общим развитием человечества, над решением которых трудилась и трудится всякая эпоха, все нации; за них ведется постоянная борьба в науке, в недрах церкви, на политической арене, всюду. И ни одна эпоха, ни одна нация не может похвастаться окончательным одолением ни одного из них и еще менее применением того или другого целиком к жизни. Только Марк Волохов, схватив крайние, воображаемые результаты этих вопросов, понес их прямо в какую-нибудь Малиновку как уже готовые, воображая, что за ним, как за фараоном, идет все египетское воинство, а не несколько таких же „вождей“, дилетантов-мечтателей, искателей роли, как он сам, которые спешат приложить,

⁴¹ Помимо работ 1920—1930-х годов В. Е. Евгеньева-Максимова, см. исследования последних лет: Мельник В. И. 1) И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма (К постановке вопроса) // Русская литература. 1990. № 1. С. 34—45; 2) Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991. С. 76—114 (гл. 3: «Пolemика с этикой позитивизма»); Котельников В. А. 1) Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24—51; 2) И. А. Гончаров в идеологических и общественных коллизиях 1862—1867 годов // Там же. 2012. № 2. С. 51—67.

⁴² См. статью и примечания В. А. Котельникова в издании: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2014. Т. 10: Материалы цензурской деятельности.

⁴³ Котельников В. А. И. А. Гончаров в идеологических и общественных коллизиях 1862—1867 годов. С. 63.

⁴⁴ Там же. С. 66, 67.

что они слышали нового, к жизни и дают обществу несколько комических или трагических примеров эксцентричности, остающихся без подражания» (6, 438—439).

И в том же «Предисловии», рассуждая о Волохове, Гончаров настаивал: «В толпе разумной, основательно образованной молодежи ему нет места: он обличился бы тотчас и оказался бы несостоятельным и лишним. Ни опытом своим, ни знанием, ни характером он не мог подтвердить занесенных им его „истин“, которые даже не вполне понял (...), не продумал и вовсе не прочувствовал, спеша приложить к жизни ипотезы, о большей части которых не только не было высказано ни наукой, ни общественным мнением последнего слова, но которые даже не приняты были в серьезный круг разумного, мыслящего большинства. Он обольстился одною декорацией духа времени, не вникнув ни в смысл новых идей и понятий, ни в пути и способы, даже ни в наружные приемы, какими водворяется в общество какое-нибудь новое, прочное и верное начало и новая основа жизни» (6, 427—428).

Эксцентричность незрелых, непросвещенных одиночек, «дилетантов-мечтателей», их подверженность «скороспелым увлечениям, свойственным несамостоятельным натурам», и усматривал Гончаров прежде всего в русском нигилизме, представив в «Обрыве» по преимуществу «эксцентриком» и «искателем роли» нигилиста Марка Волохова. Катастрофических социально-исторических предзнаменований в русском нигилизме Гончаров не видел и представления о фатальном национальном зле в свою концепцию нигилизма в последнем романе не вложил. Для людей разумных, здравомыслящих, по его мнению, идейные «парадоксы» новых людей опасности не представляли, и социальные «ипотезы» 1860-х годов, владевшие умами и на Западе, и в России, их «обольстить» не могли. Едва ли оправдано поэтому часто встречающееся в работах об «Обрыве» сближение позиции Гончарова с воззрениями предощуцавших и осознававших драматические последствия русского нигилизма Достоевского и Лескова, как и авторов современной «Обрыву» антинигилистической беллетристики, не говоря о философской публицистике следующих десятилетий.⁴⁵

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП

* * *

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД

«Литературный тип» из романов Тургенева и Чернышевского, осмысленный и досозданный в критико-аналитических статьях начала 1860-х годов,⁴⁶ стал моделью для подражания, вернулся в реальность. «Действитель-

⁴⁵ Так, по мнению Е. А. Краснощекковой, Волохов наделен автором «такими приметами, которые, хотя и были до Гончарова уловлены его современниками, но еще недостаточно высветлены. Поскольку прозрения романиста располагаются в сфере национально-менталитетных координат, они в некоторых отношениях уже выходят за рамки 60-х годов и касаются последующих периодов бытования русского нигилизма (в частности, предсказывая «Бесов» Достоевского)» (Краснощеккова Е. А. «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа 60-х годов // Русская литература. 2001. № 1. С. 73). Ср. иную точку зрения: «Может быть, И. А. Гончаров и не осознавал, как Достоевский, всего масштаба (философско-религиозного) социальной и исторической глубины грядущего падения России с обрыва в бездну, трагической и фарсовой глубины нигилистического отрицания в его последствиях. Но он гениально угадал и гениально изобразил, сколь опасен этот путь для личности в проявлениях любви, в возможностях обретения счастья» (Буланов А. М. Две бездны: («Обрыв» И. А. Гончарова и «Бесы» Ф. М. Достоевского) // Гончаровские чтения. Ульяновск, 1995. С. 16—17).

⁴⁶ «В идеале, по мысли Добролюбова и Писарева, наука и литература должны были слиться воедино. Но поскольку этого пока не произошло, литературному критику следовало взять на себя роль ученого и „завершить“ художественный анализ действительности, придав ему объективность подлинно научного анализа и, таким образом, надежного руководства к действию» (Паперно И. Семиотика поведения. С. 13.).

ные лица вживались в свои литературные тени», как писал Герцен, а они в свою очередь вновь становились объектом изображения — уже в антинигилистической беллетристике.

Страхов, для которого, как отмечалось, «литературный нигилизм» был «специальностью», признавался: «Нам кажется, что нигилизм (заметьте, не нигилисты) одолжен своим происхождением главным образом противникам нигилистов». Заслугой этих «противников», которые, по словам критика, «были люди наблюдательные, самолюбивые, тонкие»,⁴⁷ и явилось исследование явления во всей его сложности и полноте. Салтыков-Щедрин, принадлежавший к другому литературному лагерю, также признавал известную «пользу» в выступлениях «недоброжелателей», «противников нигилизма». В статье «Напрасные опасения» (1868) он заметил: «Люди, наиболее чуждающиеся современного направления русской мысли, очень хорошо понимают, что тут уже есть живой и своеобразный тип, на который они охотно клеветают и взводят небывлицы, но которого обойти не могут. Попытки их по части уяснения этого типа, хотя всегда сопровождаемые некрасивою заднею мыслью, можно назвать, в известном смысле, даже полезными. Правда нуждается иногда даже в клевете и в преувеличениях, чтобы вполне определить себя, а так как положительные признаки этого нового типа покуда намечены еще весьма слабо, то отрицательное отношение к нему может послужить весьма нелишней подготовительною работою» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 24—25).

Антинигилистическая беллетристика в 1860-е годы стремительно завоевала популярность и столь же стремительно спустя полтора десятилетия ее утратила. Генезису, эволюции, жанровой специфике антинигилистического романа посвящена большая литература,⁴⁸ и если мысль об «Отцах и детях» как романе-родоначальнике на современном этапе принимается далеко не безоговорочно, то зависимость этого жанрового типа романа в целом, во всех его вариациях, от романистики Тургенева не вызывает сомнений,⁴⁹ как, впрочем, и от других значительных литературных явлений 1860-х годов. «Формирование такого исключительно злободневного явления, как антинигилистический роман, было бы невозможно без многочисленных специфических контактов его с магистральным литературным процессом той эпохи».⁵⁰

В контексте антинигилистического романа, в контакте с его идеологией, типологией персонажей и сюжетных коллизий многие годы рассматривался и гончаровский «Обрыв». В последние десятилетия не только он, но и антинигилистический роман как таковой, что справедливо отметила Е. А. Краснощекова, прочитываются по-иному: «Пафос, объединивший на недолгом временном промежутке Тургенева и Гончарова, Толстого и Достоевского, находившихся подчас в непростых личных отношениях и полемизировав-

⁴⁷ *Страхов Н.* Из истории литературного нигилизма. С. 201.

⁴⁸ См. некоторые работы последних десятилетий: *Проскурина Ю. М.* Жанровые разновидности антинигилистического романа 1860-х годов. М., 1994; *Терехин В. Л.* Типология антинигилистического романа и социал-дарвинизм в русской литературе 60—70 гг. XIX-го века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994; *Склеинис Г. А.* 1) Русский антинигилистический роман второй половины XIX века. Учеб. пособие по спецкурсу. Магадан, 1996; 2) Жанровое своеобразие диалогии В. В. Крестовского «Кровавый пух». Магадан, 2004; 3) Русский антинигилистический роман: генезис и жанровая специфика. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Магадан, 2009; *Старыгина Н. Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860—1870-х годов. М., 2003, и др.

⁴⁹ См.: *Батюто А. И.* Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 49—71.

⁵⁰ *Батюто А. И.* Антинигилистический роман 60—70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 288.

ших по многим вопросам, видится не чем иным, как чуткой реакцией на явление, действительно опасное для исторических судеб России. (...) Антинигилистический роман XIX века в своих прозрениях выглядит сегодня предшественником антиутопического (анти тоталитарного) романа XX века, который продемонстрировал долговременные итоги нигилизма века предшествующего».⁵¹

К антинигилистическим обычно относят романы «Взбаламученное море» (1863) и «В водовороте» (1871) А. Ф. Писемского, «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870—1871) Н. С. Лескова, «Марево» (1864) В. П. Ключникова, «Мудренное дело» (1864) Н. Д. Ахшарумова, «Поветрие» (1867) В. П. Авенариуса, диологию В. В. Крестовского «Кровавый пух», которую составили два романа — «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1872), романы Б. М. Маркевича «Марина из Алого Рога» (1873), «Перелом» (1880—1881) и «Бездна» (1883—1884), «Злой дух» (1881—1883) В. Г. Авсеенко, «Вне колеи» (1882) К. Орловского (К. Ф. Головина) и некоторые другие.⁵² Самостоятельная широкая тема — отношение к нигилизму Достоевского и нигилисты в его романах.⁵³ Что касается тургеневских «Дыма» (1867) и «Нови» (1877), то они, в советское время причислявшиеся наряду с романами Писемского, Лескова, Гончарова к антинигилистическим, в последние десятилетия, как отметила Е. А. Краснощекова, «изъяты из „порочного списка“ с целью сохранения незапятнанного имени Тургенева в каноне писателей критического реализма».⁵⁴ Тургенев из «порочного списка» был изъят уже Ю. С. Сорокиным, автором статьи об антинигилистическом романе в «Истории русского романа»,⁵⁵ позднее А. И. Батюто в академической «Истории русской литературы» тургеневские романы в разряд антинигилистических также не включил, как не отнес к ним и «Обрыв».⁵⁶ Иначе ставит вопрос Н. Н. Старыгина: в ее недавно изданной монографии «Обрыв», как и тургеневский «Дым», к антинигилистическим романам отнесены безоговорочно.⁵⁷

⁵¹ Краснощекова Е. А. «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа... С. 67.

⁵² В связи с антинигилистической тематикой Н. К. Пиксанов напоминал о поэмах В. А. Соллогуба «Нигилист» (1866) и А. Н. Майкова «Княжна» (1878) (Пиксанов Н. К. Роман И. А. Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. С. 86). Упомянуты в этом ряду могут быть и стихотворения А. К. Толстого «Пантелей-целитель», «Баллада с тенденцией», «Страшусь людей передовых...», «Порой веселой мая...», «Поток-богатырь». См., кроме того: Данилова Л. С. Нигилисты на русской сцене 1860-х годов // Спектакль в контексте истории: Сб. науч. трудов. Л., 1990. С. 70—83.

⁵³ См., например: Буданова Н. Ф. Две концепции нигилизма // Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С. 37—55; Власкин А. П. Идеологический контекст в романе Достоевского. Челябинск, 1987; Дрыжанова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 3—29; Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861—1881). М., 1990; Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990; Шинков М. А. «Бесы» Ф. М. Достоевского и русский антинигилистический роман 1860—70-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998; Склейнис Г. А. «Великое пятикнижие» Ф. М. Достоевского в жанровом контексте антинигилистического романа. М.; Магадан, 2006, и др.

⁵⁴ Краснощекова Е. А. «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа... С. 68.

⁵⁵ Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 97—120.

⁵⁶ См.: Батюто А. И. Антинигилистический роман 60—70-х годов. С. 279—314. См. также: Альтшуллер М. Нигилист Кирилин в романе Болеслава Маркевича «Типы прошлого» и Марк Волохов И. А. Гончарова // Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.—10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Koeln, 1994. S. 343—352.

⁵⁷ См.: Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860—1870-х годов. С. 11—13, 134—247, 257—269 и след. Автор монографии, исследуя жанро-

Помимо ярко выраженной тенденции и полемических задач антинигилистический роман имеет ряд отчетливых тематических и структурных признаков. К ним относится изображение эпохи реформ как смуты в умах, смутного времени, времени распада традиционных человеческих связей, общепризнанных этических ценностей и норм.⁵⁸ Так, в романе Ключников «Марев» движение шестидесятых годов представлено как «бессмысленное, вздутое, свирепое море, грозящее всеобщим потопом». «Хроника о новом Смутном времени Государства Российского» — подзаголовок романа Вс. Крестовского «Кровавый пух». ⁵⁹ Символика заглавий — один из структурообразующих элементов в романах данного типа. И гончаровский «Обрыв» этот элемент включает.⁶⁰

«Образовалась целая литература, — писал в 1864 году Салтыков-Щедрин, отзываясь на публикацию романа Ключников «Марев», — поставившая себе целью исследовать свойства ядов, истекающих из молодого поколения, или, лучше сказать, не исследовать, а представить в живых (более или менее) образах, что молодое поколение никуда не годно, что оно не имеет будущего и что оно сплошь одарено способностью испускать из себя гангрену разрушения. Бессмысленное слово „нигилисты“ переходит из уст в уста, из одного литературного органа в другой, из одного литературного произведения в другое. Беллетристы положительно упитываются им...» (*Салтыков-Щедрин*; 6, 315).

Радикал-отрицатель («прогрессист», «красный») может в антинигилистическом романе быть как центральной, так и периферийной фигурой. Исповедуемые им новые идеи, разрушительные для семьи, общественного и государственного порядка по ходу развития сюжета дискредитируются, приводя героя романа к физической и моральной гибели. Как писал Ю. С. Сорокин, «сюжетная схема многих антинигилистических романов действительно очень однотипна. В основу ее кладется борьба двух сил — „злой“ и „доброй“. Первую силу представляют убежденные демократы и революционеры, вторую — охранители и сторонники устоев (...). Чаще всего героем произведения, вокруг которого сосредоточивается непосредственный романический интерес повествования, является лицо (мужского или, еще чаще, женского пола), которое соблазняет „злая сила“ и вовлекает в орбиту демократического движения. За него-то и идет обычно борьба, его „спасением“ и извлечением из „омута“ заняты представители охранительного начала».⁶¹

вые типы *нигилистического* (роман о «новых людях») и *антинигилистического* романа как «формы времени», генетически связанные и бытующие «в условиях философско-религиозной полемики», оба типа объединяет в категорию *полемического* романа, рассматривая полемическую тенденцию в качестве главного жанрообразующего элемента (Там же. С. 76—90 и след.). Объединение в один жанровый тип романов *пронигилистических* и *антинигилистических* сравнимо, пожалуй, с объединением жанров утопии и антиутопии. Убедительную полемику с концепцией Старыгиной см. в указанных выше работах Г. А. Склейнис, посвященных жанровой специфике антинигилистического романа. Роман о «новых людях» традиционно рассматривался в качестве самостоятельного жанрового типа в работах Б. Ф. Егорова, Н. И. Пруцкова, М. Т. Пинаева и др.

⁵⁸ См.: *Ватюто А. И.* Антинигилистический роман 60—70-х годов. С. 283—284; *Тамарченко Г. Е.* «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов // Чернышевский Н. Г. «Что делать?». Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 767 (сер. «Литературные памятники»).

⁵⁹ *Ключников В.* Марев. СПб., 1864. С. 177—178; *Крестовский В.* Кровавый пух. Хроника о новом Смутном времени Государства Российского: В 4 т. СПб., 1875.

⁶⁰ Ср., например: «Бросается в глаза сходство смыслов в заглавии романа Гончарова и прямо содержащегося в эпиграфе к „Бесам“ евангельского повествования указания на обрыв. „...И бросилось стадо с крутизны в озеро...“ (Лк. 8: 33). „Крутизна“ и „обрыв“ семантически однородны, и символика „Бесов“ наполняет дополнительным смыслом конкретный гончаровский „обрыв“» (*Буланов А. М.* Две бездны. С. 15).

⁶¹ *Сорокин Ю. С.* Антинигилистический роман. С. 99—100.

Исключительно актуальной для создателей антинигилистического романа, главным образом как реакция на «Что делать?», была проблема женской эмансипации. По мере вызревания и развития жанрового типа «опошление идей женской эмансипации приобретает все более агрессивные формы, сочетаясь с преднамеренным компрометированием по существу всего содержания „Что делать?“». ⁶² К числу стереотипных в сюжетике романа относится ситуация оболыщения девушки циническим представителем «молодого поколения» и ее «падение» или ведущая к драме «падения» свобода женщины в браке. Достоевский, задумавший в 1864 году статью под названием «Нигилистические романы», отреагировал на эту, по его словам, «единственность сюжета нигилистических романов»: «Его концепция — всегда одно и то же: муж с рогами, жена развратничает и потом опять возвращается. Дальше и больше этого они ничего не могли изобрести». ⁶³

В эволюции антинигилистического романа выделяют ранний и поздний этапы, что обусловлено радикализацией революционного движения со второй половины 1860-х годов. Персонажи зрелого антинигилистического романа — уже не авантюристы-соблазнитель и цинические лжеучители, но не имеющие политических убеждений мошенники, уголовники и злодеи. ⁶⁴

Полемизируя с традиционным взглядом на антинигилистический роман, когда последнему приписывается только охранительная тенденция, И. П. Смирнов предположил, что его главная ценность — «*продолжаемость родовой жизни*». Смысловую структуру антинигилистического романа он свел к двум слагаемым: а) «герою-нигилисту недостает семейно-родовых связей; в конце концов он гибнет либо попадает в опасное для его жизни положение...»; б) «антипод нигилиста помещается так или иначе внутри рода, что ведет к его спасению». ⁶⁵ Предложенной модели соответствует система отношений Базаров—Кирсановы в «Отцах и детях». Сходным образом «вырваны из семейных уз» представители нигилистического движения в лесковском «Некуда», ту же роль играет семья для Александра Бакланова во «Взбаламученном море» Писемского. Наконец, в «Обрыве», согласно модели ученого, «апология рода» достигает своего предела — «мир семьи наполняется не просто положительным, но идиллическим содержанием». Социология антинигилистического романа, заключает Смирнов, относя безоговорочно «Обрыв» к данному жанровому типу, «признает лишь одну ценность — род». ⁶⁶

Значение «Отцов и детей» в типологической разработке образа нигилиста не ограничилось созданием Базарова. Открытием Тургенева признано

⁶² Батюто А. И. Антинигилистический роман 60—70-х годов. С. 280.

⁶³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1984. Т. 20. С. 196, 202 (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно (Достоевский), с указанием номера тома и страницей). См. подробнее: Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов. С. 27—29.

⁶⁴ См.: Батюто А. И. Антинигилистический роман 60—70-х годов. С. 292 и след. См. также: Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Кн. 2. С. 33—74; Краснов Г. В., Викторovich В. А. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 22—38.

⁶⁵ Смирнов И. П. Нигилизм, антинигилизм и «Бесы» Достоевского // Смирнов И. П. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 115.

⁶⁶ Там же. С. 116—117. Варианты той же «сильной» схемы, но в ослабленном виде исследователь демонстрирует в романах Маркевича, Ключникова, Крестовского (Там же. С. 117—118). Добавим к этому, что обозначенные И. П. Смирновым структурообразующие смыслы в антинигилистическом романе ставят под сомнение возможность и целесообразность объединения романов *пронигилистических и антинигилистических* в единую жанровую категорию «полемического романа», т. е. ту операцию, что была проделана Н. Н. Старгиной (см. прим. 57).

резко шаржированное изображение Кукшиной и Ситникова, подражателей моде на нигилизм. «В любом антинигилистическом романе, — пишет А. И. Батюто, — можно обнаружить персонажей, очень похожих на Ситникова и Кукшину...».⁶⁷ Мелких подражателей Базарову Герцен талантливо назвал «базароидами» (*Герцен*; 29, 332), тогда как для представителей «молодого поколения» иного масштаба он использовал понятие «базаровщина», определяя им «тот идеал, который до тургеневского Базарова и после него носился в молодом поколении и воплощался не только в разных героях повестей и романов, но в живые лица, старавшиеся принять в основу действий и слов своих базаровщину» (*Герцен*; 20-1, 335). В характере Базарова, по Герцену, сгруппированы те определившие культурно-исторический тип черты, которые были впоследствии растиражированы: «Базаров смотрит на людей сверху вниз и даже редко дает себе труд скрывать свои полупрезрительные и полупокровительные отношения к тем, которые его ненавидят, и к тем, которые слушаются. Он никого не любит. Он считает совершенно излишним стеснять свою особу в чем бы то ни было. В его цинизме две стороны, внутренняя и внешняя, цинизм мыслей и чувств и цинизм манер и выражений. Ироническое отношение к чувству всякого рода, к мечтательности, к лиризму составляет сущность внутреннего цинизма. Грубое выражение этой иронии, *беспричинная и бесцельная* резкость в обращении относятся к внешнему цинизму. Базаров не только эмпирик, он, кроме того, неотесанный бурш. В числе почитателей Базарова найдутся, наверное, такие люди, которые будут восхищаться его грубыми манерами, следами бурсацкой жизни, будут подражать этим манерам, составляющим во всяком случае *недостаток*, а не достоинство» (*Герцен*; 20-1, 336—337).

Подражание Базарову как зачинателю моды, определившей идеологию, стиль поведения, внешность нигилиста, современниками отмечалось неоднократно. Карикатурное копирование, «обезьянничание» видел в поведении нигилистов Лесков, писавший: «Так как они никогда не думали о том, что им *делать*, то, разумеется, сделали, что делают обезьяны, то есть стали копировать Базарова. (...) Взял самую резкую черту оригинала, увеличил ее так, чтобы она в глаз била, вот и карикатурное сходство. То и сделано. Базаровских знаний, базаровской воли, характера и силы негде взять, ну копируй его в резкости ответов, и чтоб это было позаметнее — доведи это до крайности. Гадкий нигилизм весь выразился в пошлом отрицании всего, в дерзости и в невежестве».⁶⁸

Прежде всего «базароиды», незначительные, несамостоятельные последователи-подражатели, представители того нигилизма, который Салтыков-Щедрин в статье об «Обрыве» назовет «уличным», а Страхов позднее (и, возможно, не без гончаровских аллюзий) — «обыкновенным»,⁶⁹ стали

⁶⁷ Батюто А. И. Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления. С. 52.

⁶⁸ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 179. Уже после смерти Тургенева А. С. Суворин написал о нем в дневнике: «Среди общества юного, настроенного или меланхолией, или литературой, он явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые становились образцами. Он давал моду. Его романы — это модный журнал, в котором он был и сотрудником, и редактором, и издателем. Он придумывал покрой, он придумывал душу, и по этим образцам многие россияне одевались. Многие получали только единственно модный журнал и согласно Тургеневу были счастливы, потому что находили, что выкройка весьма удобна и платье шьется легко» (*Суворин А. С. Дневник / Текстологическая расшивка Н. А. Роскиной; подг. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. London; М., 1999. С. 216—217*).

⁶⁹ В главах книги «Борьба с Западом в нашей литературе», посвященных нигилизму Герцена, Страхов не раз противопоставит герценовский «чистый» нигилизм всему тому, «что нас отталкивает в обыкновенном нигилизме» (см.: *Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. 2-е изд. СПб., 1887. Кн. 1. С. 131, 140 и др.*).

персонажами антинигилистических произведений 1860—1870-х годов. Заурядный подражатель, например, — Александр Бакланов у Писемского. Это «обыкновенный смертный из нашей так называемой образованной среды», той среды, в которой «с увлечением и верою школьников» читают «потихоньку» «Колокол». Поверхностность и заимствованность идей подобных «школьников» для Писемского очевидна: «Внутри, в душе у этих господ нет, я думаю, никакого самоделания, но зато натираться чем вам угодно снаружи — величайшая способность!». ⁷⁰ Во «Взбаламученном море», как иронизировал Щедрин, Писемский «представил такое образцовое руководство к познанию нигилистов, что даже при самом тщательном труде едва ли кому-нибудь придется сравниться с ним в деле собирания всякого рода нигилистических черт» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 70). Впрочем, ультрарадикальные «красные», «взбаламученные уродцы», по определению Герцена (*Герцен*; 20-1, 339), появляются только в последней части романа, созданного в традиционной для Писемского бытописательной манере.

При фарсовом изображении «прогрессистов» закономерным было обращение к приемам гоголевского гротеска, к персонажам-маскам. В нигилистах, «исказивших здоровый тип Базарова», Лесков видел современных Поздрых и Сквозник-Дмухановских: «Чувства — вздор, любовь — вздор, совесть — вздор, идеи — вздор, все вздор, не вздор только *мы*, ибо *мы* есть *мы*. Это еще старые типы, обернувшиеся только другой стороной. Это Поздрыхы, изменившие одно ругательное слово на другое. Это даже Сквозники-Дмухановские. „Я, — говорит, — тебя мучить или попытаться не стану — это законом запрещено. А вот ты поешь-ко у меня селедки“. Такова в большинстве грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма». ⁷¹ «Собакевичами и Ноздревыми нигилизма» назвал в «Былом и думах» «свирепых», «угловатых и шершавых» представителей «молодой эмиграции» в Лондоне Герцен (*Герцен*; 11, 350). Катков, как уже отмечалось, найдя сентиментальность в героях Чернышевского, причислил их к «Маниловым нигилистам».

Сравнивая нигилистов-шестидесятников с их литературным прототипом, Н. В. Шелгунов не без горечи отмечал: «Базаров, даже и в том виде, как у г. Тургенева, — сила, большая и исключительная. Таких сильных натур считают не сотнями, а единицами (...). Поэтому понятно, что все несильное, несамостоятельное, способное более понимать форму, чем сущность, должно было облачиться в маскарадный костюм, полагая, что достаточно быть резким и угловатым, чтобы сделаться представителем типа шестидесятых годов». ⁷²

Тургеневский Базаров — фигура трагическая. Автор «Отцов и детей» в известном письме К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 года признавался: «...если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью (...) — я виноват и не достиг своей цели. (...) Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего, — мне мечтался какой-то странный pendant с Пугачевым и т. д.» (*Письма*; 5, 59). Анненков, прочитав роман в рукописи, писал Тургеневу: «...Вы сумели действительно кинуть на Базарова плутарховский оттенок,

⁷⁰ Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. 3-е изд. СПб., 1910. Т. 4. С. 407 (гл. «Кто такой собственно герой мой?»).

⁷¹ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 180.

⁷² Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974. С. 190.

благодаря тому, что не дали ему даже „жгучего, болезненного самолюбия“, отличающего все поколение нигилистов (...) Ведь это жизненная черта, и отсутствие ее именно делает то, что Базарова заподозревают в непринадлежности к здешнему миру, относя его к героическому циклу, к родству с Оссианом наизнанку и т. д.» (Соч.; 7, 421). Паскалевская и шопенгауэровская трагическая глубина в отношении к жизни и смерти, в осознании человеческого одиночества, совершенно не типичная для позитивизма демократов-шестидесятников, определяет мировосприятие тургеневского героя, что убедительно обосновал в своих работах А. И. Батюто.⁷³

Достоевский, как известно, видел в тургеневском герое «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (Достоевский; 5, 59).⁷⁴ Позднее, размышляя над характером Петра Верховенского, задуманного подражателем Базарова, свое отношение Достоевский пересмотрел. В «Бесах» старший Верховенский произносит: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном, c'est le mot.⁷⁵ Посмотрите на них внимательно: они кувыркаются и визжат от радости, как щенки на солнце, они счастливы, они победители! Какой тут Байрон!.. И притом какие будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбия, какая пошленькая жаждашка *faire du bruit autour de son nom*, не замечая, что *son nom*... О карикатура!» (Достоевский; 10, 171).⁷⁶

Пересмотрел свое отношение к «базарствующим» и Лесков. Главный герой романа «На водах» Павел Горданов принадлежит уже «не к новому, а к новейшему культу». Вторую часть романа, названную «Бездна призывает бездну» (гл. 1: «*Entre chien et loup*» («сумерки, пора между часом собаки и волка». — (фр.)), открывает следующий текст: «Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежа не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собою довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всем своем убранстве Базаров, Раскольников, Маркушка Волохов, и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумен и слаб — неумен потому, что сорисился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред „богатым телом“ женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей. Раскольникова Горданов сравнивал с курицей, которая не может не кудахтать о снесенном ею яйце, и глубоко презирал этого героя за его привычку беспрестанно чесать свои душевные мозоли. Маркушка Волохов (которого Горданов знал вживе) был, по его мнению, и посильнее и поумнее двух первых, но ему, этому алмазу, недоставало шлифовки, чтобы быть бриллиантом, а Горданов хотел быть бриллиантом и чувствовал, что к тому уже настало удобное время. (...) Наступившая пора *entre chien et loup* показала Павлу Николаевичу, что из бреда, которым были полны пред тем временем отуманенные головы, можно при самой небольшой ловкости извлекать для себя громадную пользу. (...) Все, желавшие снять с себя власницу и вериги нигилизма, были за Горданова, и с их поддержкой Павел Ни-

⁷³ См.: Батюто А. И. Тургенев-романист. Л., 1972. С. 62—127.

⁷⁴ См.: Тюнькин К. И. Базаров глазами Достоевского // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 108—119; Батюто А. И. Признаки великого сердца (к истории восприятия Достоевским романа Тургенева «Отцы и дети») // Русская литература. 1977. № 2. С. 21—37.

⁷⁵ именно так (фр.)

⁷⁶ *faire du bruit autour de son nom* — поднимать шум вокруг своего имени (фр.). Подробнее см.: Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов. С. 25—28.

колаевич доказал, что поведение отживших свой век нигилистов не годится никуда и ведет к гибели». ⁷⁷ На смену «отжившим свой век нигилистам», на смену «староверам» пришли «новейшие» — последователи «негилизма», того «культа», лозунгом которого стала «борьба с миром хитростью и лукавством». Среди последователей новейшего «культа» Лесков не видит «много-страдальных праведников», для которых, как в «Некуда», нигилизм мог быть «власяницей и веригами», не находит он в начале 1870-х и причин для «беспристрастной и симпатичной» оценки «негилистов».

* * *

В 1881 году в статье «Русское общество и нигилизм» Д. П. Лебедев был вынужден признать: «Вопрос о развитии в нашем обществе в последнее время нигилизма принадлежит к числу тех мучительных, жгучих вопросов, которые заставляют глубоко задумываться каждого русского человека, любящего свою родину <...> мы до сих пор еще знаем слишком мало, что такое наш современный русский нигилизм; по крайней мере, знаем слишком поверхностно очень многое, что имеет близкое и непосредственное к нему отношение. А между тем, лечить болезнь можно только тогда, если мы предварительно определили ее сущность, поняли ее. В большинстве случаев, говоря печатно о нигилизме, мы или смеемся над ним, или проклинаем его. Ни то, ни другое не должно иметь места при здравом взгляде на предмет <...> если мы ограничимся в данном случае смехом, то после, пожалуй, придется плакать, как пришлось нам еще недавно оплакать страшное событие 1-го марта. Не смеяться и проклинать, а изучать, изучать всесторонне и во всех возможных отношениях нужно нам теперь то бесконечно печальное развившееся у нас направление, которое называют обыкновенно нигилистическим». ⁷⁸

В познании, истолковании, документировании русского нигилизма значительная роль принадлежала Каткову, уже на самом раннем его этапе увидевшему в нигилизме религию, «вероучение». ⁷⁹ От лица «вероучителей» он, например, провозглашал: «...мы не исследователи, не испытатели, — пусть другие <...> занимаются наукою для знания, — мы мудрецы и вероучители. Мы проповедуем религию нигилизма, мы *отрицаем*: вот наше значение, наша гордость и слава <...> мы становимся нетерпимы к самой терпимости». «Отрицательное направление, — писал издатель «Русского вестника», — есть своего рода религия, — религия опрокинутая, исполненная внутреннего противоречия и бессмыслицы, но тем не менее религия, которая может иметь своих учителей и фанатиков». Историческую неизбежность нигилизма Катков усматривал в особенностях русской цивилизации, о которой писал: «...в нашей цивилизации, не имеющей в себе никакой самостоятельной силы, в нашем маленьком умственном мире, где нет ничего, стоящего твердо, где нет ни одного интереса, который бы не стыдился и не конфузился самого себя и сколько-нибудь верил в свое существование, — дух нигилизма мог развиваться и приобрести значение. Эта умственная среда сама собою подпадает под нигилизм и находит в нем свое вернейшее выражение. <...> Нет

⁷⁷ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 127, 129, 130.

⁷⁸ Исторический вестник. 1881. Т. VI. С. 604, 606.

⁷⁹ Ср.: «Первой попыткой целостной теоретической характеристики русского нигилизма является статья главного редактора „Русского вестника“ М. Н. Каткова „О нашем нигилизме. (По поводу романа Тургенева)“» (Возилов В. В. Г. Г. Шпет и эволюция представлений о русском нигилизме // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). Томск, 2003. С. 471 (сер. «Г. Г. Шпет / Comprehensio»)).

ничего труднее, как найти в нашей общественной среде что-нибудь положительное, на чем могли бы сойтись между собою люди. Вы не свяжете трех человек в одно целое на каком-нибудь положительном интересе; во всяком случае, связь между ними не продержится долго и не окажется плодотворною. Но зато нет ничего легче, как соединить между собою людей в чем-нибудь отрицательном. На положительном все перессорятся, и дело не пойдет; на отрицательном все легко сдружатся, и дело закипит. (...) Такова историческая судьба нашей цивилизации».⁸⁰ Обозначил Катков и *типические* черты русских нигилистов: «Свою особу чтят они как сосуд великой силы и не сравнивают себя ни с какими идеалами; они находят полнейшее удовлетворение своему самолюбию выходкой деятельности повального отрицания и всеуничтожения. Им незачем грызть и ломать себя; они собою вполне довольны (...). Мету своего достоинства и самоуважения находят они в той пустоте, которая вокруг них образуется. Они любят и чествуют себя всем тем презрением, которое внушает им ничтожество окружающей среды, лишенной всякой силы сопротивления. Эти люди непременно будут иметь вид людей сильных и притом деловых, прямо идущих к цели, свободных от всякой мнительной и расслабляющей думы, от всяких праздных мечтаний».⁸¹

Герцен, состоявший в жесткой полемике с Катковым и его московскими изданиями, в оценке идей русских радикалов неожиданно оказался ему близок. Это отметил и Страхов в большой работе, посвященной причинам и сущности духовно-мировоззренческой драмы Герцена, признав за ним, почитавшимся русской радикальной молодежью одним из своих «вождей», и «отвагу знания», и «действительную, нелицемерную любовь к истине».⁸²

Исторический «тип» нигилиста Герцен воссоздал в «Былом и думах» (ч. 7; гл. «Молодая эмиграция»). По его словам, это «временной тип, очень определенно вышедший, очень часто повторявшийся» и заслуживающий изучения, поскольку «выражает переходную форму болезни нашего развития из прежнего застоя» (Герцен; 11, 350). Собирательный портрет «заносчивых юношей», в которых «болезненное и очень бесцеремонное самолюбие давно закусало удила» (Герцен; 11, 343), у Герцена едва ли не более разоблачителен, чем тот, что был создан сотрудниками «Русского вестника». Автор «Былого и дум» также диагностирует их социальную «болезнь»: «Большей частью они не имели той выправки, которую дает воспитание, и той выдержки, которая приобретается научными занятиями. Они торопились в первом задоре освобожденья сбросить с себя все условные формы (...). Снимая все до последнего клочка, наши enfans terribles гордо являлись, как *мать родила*, а родила-то она их плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наследниками дурной и нездоровой жизни низших петербургских слоев. Вместо атлетических мышц и юной наготы обнаружилились печальные следы наследственного худосочья, следы застарелых язв и разного рода колодок и ошейников. Из народа было мало выходцев между ними. Передняя, казарма, семинария, мелкопоместная господская усадьба, перегнувшись в противоположное, сохранились в крови и мозгу, не теряя отличительных черт своих. (...) Для полной свободы им надобно забыть свое ос-

⁸⁰ Катков М. Н. О нашем нигилизме (По поводу романа Тургенева) // Катков М. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 511—512, 514—515.

⁸¹ Там же. С. 518.

⁸² См.: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. С. 120. «Воззрения Герцена, — писал Страхов, — можно назвать *нигилизмом*; но — спешим оговориться — это не была одна из тех многочисленных форм нигилизма, которые стали ходячими и в которые воплотилась всяческая форма глупости. Это был нигилизм в самом чистом своем виде, в наилучшей и наиболее роднейшей своей форме. (...) Нигилизм Герцена есть одно из проявлений напряженной идеальности русского ума и сердца» (Там же. С. 131—132, 142).

вобождение и то, из чего освободились, бросить привычки среды, из которой выросли. Пока этого не сделано, мы невольно узнаем переднюю, казарму, канцелярию и семинарию по каждому их движению и по каждому слову» (Герцен; 11, 350—351).

Вместе с тем «чересчурным крайностям» нигилизма Герцен стремился найти объяснение и оправдание: «С одной стороны, реакция против старого, узкого, давившего мира должна была бросить молодое поколение в антагонизм и всяческое отрицание враждебной среды; тут нечего искать ни меры, ни справедливости. Напротив, тут делается назло, тут делается в отместку. „Вы лицемеры, — мы будем циниками; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими, — мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь не уважая, — мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней чести, — мы за честь себе поставим поспраивание всех приличий и презрение всех points d'honneur'ов”». Однако в своих окончательных оценках Герцен безжалостен: «Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что их систематическая неотесанность, их грубая и дерзкая речь не имеет ничего общего с неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много с приемами подьяческого круга, торгового прилавка и лакейской помещичьего дома. Народ их так же мало счел за своих, как славянофилов в мурмолах». Безрадостно, почти безнадежно звучат заключительные строки главы: «Всё это перерабатывается и перемелется; но нельзя не сознаться — странную почву приготовили царская опека и императорская цивилизация в нашем „темном царстве”. Почву, в которой многообещающие всходы проросли, с одной стороны, поклонниками Муравьевых и Катковых, с другой — дантистами нигилизма и базаровской беспардонной вольницы».

Много дренажа требуют наши черноземы!» (Герцен; 11, 351—352).⁸³

Глубоким исследованием национально-исторической природы явления, завершившим двадцатилетние наблюдения, стали «Письма о нигилизме» (1881) Н. Н. Страхова.⁸⁴ Подведя мрачный итог 60—70-м годам, Страхов признал в нигилизме «естественное зло нашей земли, болезнь, имеющую свои давние и постоянные источники и неизбежно поражающую известную часть молодого поколения».⁸⁵ В «Письме первом» он констатировал: «...во все не какие-нибудь реальные интересы, не определенные личные, временные, местные побуждения порождают эти ужасы, а порождают их отвлеченные мысли, призрачные желания, фантастические цели. Если же кто понял это, тот, мне думается, должен невыразимо содрогнуться перед этим безумием, содрогнуться с несравненно большим страхом, чем перед всякою реальною злобою, чем перед самой чудовищной ненавистью. Ибо реальные желанья можно удовлетворить, реальную ненависть можно отразить и обезоружить; но что сделать с фантастическою ненавистью, которая питается сама собою, над которою ничто реальное не имеет силы? Да, наша беда истинно ужасна, наша опасность безмерна...». Для Страхова нигилизм — «грех трансцендентальный», грех человеческой гордыни. «Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую. Он, по гордости, пре-

⁸³ «Дантистами нигилизма» Герцен называет тех, кто готов «бить в рожу по первому возращению».

⁸⁴ Впервые опубликованы в газете И. С. Аксакова «Русь» (1881. № 23, 24, 25 и 27).

⁸⁵ Страхов Н. Письма об нигилизме // Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. 2-е изд. СПб., 1890. Кн. 2. С. 71. Далее ссылки на эту работу даются в тексте сокращенно (Страхов), с указанием номера страницы.

небрегает и отвергает всякие другие цели, кроме этой высшей и самой существенной, и потому дошел до неслыханного цинизма в своих действиях, до кощунственного посягательства на все, перед чем благоговеют люди. Это — безумие соблазнительное и глубокое, потому что под видом доблести дает простор всем страстям человека, позволяет ему — быть зверем и считать себя святым» (*Страхов*; 72—73, 74—75).

В «Письме втором» Страхов определяет сущностные признаки явления. «Коренная черта нигилизма, — пишет он, — есть *гордость* своим умом и просвещением, какими-то правильными понятиями и разумными взглядами, до которых наконец достигло, будто бы, наше время. <...> Большею частью это грубейший и бесполоквейший материализм, учение столь простое, так мало требующее ума и дающее пищи уму, что оно доступно самым неразвитым и несведущим людям». В теоретиках нигилизма Страхов признает проповедников: «Все нигилисты непременно политики, страдают гражданской скорбью и заботятся об общем благе. Первое и прямое поприще для этих забот, конечно, — проповедь, литература, прокламация. <...> Они самоуверенно выходят на тот путь, на котором так прославились Прудоны, Герцены, Лассали, и даже думают, что сейчас же превзойдут своих учителей. <...> Семена революции не принимались на русской почве, и старый порядок стоял крепко. Понятно, что самые смелые и ожесточенные нигилисты давно стали выходить на другой путь, на единственный путь, обещающий верные успехи, на путь злодейств». В незрелости, в эгоизме и максимализме молодости видит Страхов, как и большинство его современников, причины русского нигилистического «безумия»: «...это безумие встречается в крайней степени только у молодых людей, когда сердце еще не выросло, а голова и самолюбие уже распалены, когда настоящая жизнь и настоящие человеческие отношения еще неведомы, когда человек еще эгоистичен и безжалостен, как малый ребенок, а между тем несет себя высоко и воображает себя призванным для распоряжения судьбою других людей. Острые формы этой болезни поражают, как известно, только людей незрелых...» (*Страхов*; 76—77, 80, 83, 85).

Публицисты-современники, которые в не меньшей степени, чем Страхов, «специализировались» на «литературном нигилизме», были почти единодушны, несмотря на мировоззренческие расхождения, в признании «несовершеннолетия» русского нигилизма. Герцен с горечью заключал: «Болезнь эта к лицу только до окончания университетского курса; она, как прорезывание зубов, совершеннолетию не пристала» (*Герцен*; 20-1, 345). Молодость в качестве едва ли не важнейшего критерия для обладания «передовыми взглядами» и принадлежности к числу «прогрессистов» ядовито высмеивал Катков, писавший: «У студентов, еще не окончивших курса, права на этот титул должны быть еще выше; молодые люди, сидящие на скамьях в гимназии, должны быть еще *передовее*, — и таким образом, не форсируя шага, мало-помалу дойдем мы до *сосущего* младенца, самого передового из всех передовых людей».⁸⁶

Дефицит образования или его «зыбкость и шаткость», «бессилие образования» (Катков), неспособность, нерасположенность к нему, рождающие «систематическую неотесанность» (Герцен), составили органическую черту русского нигилизма.

«Семинарское», «бурсацкое» образование героя-нигилиста, определяющее культурные и социальные (низкое происхождение, плебейство) признаки «типа», становится в антинигилистической публицистике и беллетри-

⁸⁶ Катков М. Н. Роман Тургенева и его критики. С. 466.

стике одним из общих мест. Популярность этот мотив приобретает опять-таки отчасти вослед тургеневским «Отцам и детям». Базаров — «внук дьячка», и этой подробностью были точно обозначены как прототипы тургеневского персонажа, так и его последователи.⁸⁷ Выходцами из духовного сословия были Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Пыпин (по линии матери), М. А. Антонович, Г. Е. Благосветлов, Г. З. Елисеев, Н. Г. Помяловский, Н. В. Успенский. О социальной родословной Базарова Катков писал: «Автор произвел своего героя от бедных родителей, из той волнуемой среды, которая приливает к нашему привилегированному сословию, группируется на его окраинах и просачивается в него с разных сторон. Отец его — разночинец, дослужившийся до дворянства (...). Еще характеристичнее то обстоятельство, что Базаров — внук дьячка, „как Сперанский“, сказал он раз своему юному приятелю, скривив губы. Может быть, фигура Базарова вышла бы еще типичнее, если б автор прямо произвел его от дьячка».⁸⁸

Семинарист в литературе и публицистике 1860-х годов становится одной из заметных фигур, что отметил Страхов в статье «Что такое семинаристы?» (1864): «Семинаристы вдруг очутились в положении какой-то доселе невиданной зоологической особи, останавливающей на себе внимание ученых и любопытных».⁸⁹ В социальной замкнутости духовного сословия Катков видел причину появления в нем «отрицателей»: «Когда у нас говорят о замкнутых сословиях, то разумеют обыкновенно дворянство и редко вспоминают о целом огромном сословии, которое вследствие своей разобщенности еще более походит на касту, чем дворянство. Мы разумеем духовное сословие. (...) Общественное тело в своих отщепенцах может стать обильным источником злобных отрицаний того самого начала, чье имя оно носит. И наш нигилизм не может не находить себе поживы в отпрысках духовного сословия. Благодаря сложившимся обстоятельствам, именно между ними он может вербовать себе самых импульсивных поборников».⁹⁰

«Зараженность» семинарской темой отразила комедия Л. Н. Толстого «Зараженное семейство» (1863—1864), написанная «в насмешку эмансипации женщин и так называемых нигилистов».⁹¹ Проповедниками женской эмансипации в этом направленном против Чернышевского фарсе выступают оба его главных героя — акцизный чиновник Венеровский, ниспровергатель общепринятых моральных устоев, и репетитор-семинарист Твердынский

⁸⁷ См.: Белоусов А. Ф. 1) «Внук дьячка» // Philologia. Рижский филологический сборник. Рига, 1994. Вып. 1. С. 30—41; 2) Образ семинариста в русской культуре и его литературная история // Литература и история. СПб., 2001. Вып. 3. С. 171—191.

⁸⁸ Катков М. Н. О нашем нигилизме. С. 519.

⁸⁹ Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. С. 432. Ср. также: Цион И. Нигилисты и нигилизм. М., 1886. С. 15—17.

⁹⁰ Катков М. Н. О нашем нигилизме. С. 519—521. Достоевский отметил: «Семинаристы привносят в нашу литературу особенное отрицание, слишком (полное) враждебное и слишком резкое — потому слишком ограниченное» (Достоевский; 20, 155).

⁹¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 61. С. 37. Первоначальное название: «Нигилисты»; комедия при жизни Толстого не публиковалась. Антинигилистические сюжеты у Толстого — большая тема. В 1866 году для домашнего театра им была написана сатирическая комедия «Нигилист». Начав в 1873 году работу над «Анной Карениной», Толстой постепенно отходит от упрощенной интерпретации проблемы женской эмансипации. Если героиня ранних редакций романа именно в среде нигилистов находит поддержку и оправдание своему «падению», а в промежуточных редакциях сохраняется оппозиция «нигилистических» и «антинигилистических» мотивов (один из персонажей, например, говорит о «целебной силе антинигилизма»), то в окончательной редакции эти мотивы отступают на задний сюжетный план: связанные с линией смертельно больного Николая Левина, фарсовый характер они полностью утрачивают (см. подробнее: Краснов Г. В. «Нигилисты» в творческой истории «Анны Карениной» Л. Н. Толстого // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 215—222).

(первоначально: Чертновский). Твердынский рассказывает эмансипированной барышне Катерине Матвеевне о коммуне, организатора которой он представляет так: «Он из семинарии (как всем известно, что в наше время быть из семинарии почти чин, так как лучшие головы и таланты все из семинарии). Он известен даже в литературном мире своей критикой на повесть „Чижи“. Вы читали, может быть? Замечательная статья: „Чижа не уничижай“. Он тут проводит мысль о прогрессе идей в наших семинариях».⁹² Нигилисты-семинаристы — и герой «Взбаламученного моря» Прокрипский, и «лохматые и неумытые» учителя в «Марине из Алого Рога» Б. Маркевича.

У Гончарова в «Обрыве» семинарская тема хотя и не выходит на первый план, однако «миссионерами» «новой правды» Волохов провозглашает именно семинаристов. «Они неопрятны, бедно одеты, всегда голодны... (...) Они такие неотесанные, говорят смешно...», — произносит Вера. «Народ молодой, здоровый, свежий, просит воздуха и пищи, а нам таких и надо...», — отвечает Марк.⁹³ Упоминание семинаристов в данном случае — знаковая подробность, в не меньшей степени, чем Прудон, на чьи идеи о собственности-краже ссылается Волохов,⁹⁴ маркирующая принадлежность персонажа к «нигилистическому сословию». Немаловажно, что единственный единомышленник Волохова в романе — заволжский священник, тот самый «миссионер», который вместе с Верой и Марком читает Фейербаха. Сам же Волохов если и не представлен тенденциозно «внуком дьячка», то отсутствие у него образования или его незавершенность (этот мотив остается в романе «темным»; в черновых редакциях был упомянут университет⁹⁵) обретает под пером Гончарова именно то значение, которое было актуально для репрезентации персонажа-нигилиста.

Сложившийся в 1860-х годах социально-культурный нигилистический код реализовался и в ряде других «словных» признаков гончаровского нигилиста. Репертуар поведенческих знаков нигилистов был устойчивым и легко опознаваемым — зпатирующее поведение, антиэстетизм, цинизм, грубость манер. О характерном для нигилиста «презрении к условностям» Кропоткин писал: «Вся жизнь цивилизованных людей полна условной лжи. (...) Все формы внешней вежливости, которые являются одним лицемерием, претили ему. Он усвоил себе несколько грубоватые манеры как протест против внешней полированности отцов».⁹⁶ Вызовом «условной лжи культурной жизни», светским приличиям, внешним атрибутам хорошего тона служили зпатирующие неопрятность, неряшество. Не случайно в авторских оценках Волохов прежде всего — «неряха». «Наши нигилисты полагают, —

⁹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 252.

⁹³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 520—521. Далее ссылки на 7-й том этого издания (роман «Обрыв») даются в тексте, с указанием номера страницы.

⁹⁴ В число поведенческих стереотипов русских радикалов входило почитание идеологов-основоположников, за которых, по ироническому замечанию современника, они готовы были «отдать голову» (см.: Цион И. Нигилисты и нигилизм. С. 13). В числе «кумиров» был и П. Ж. Прудон. «...На севере существует ваш культ», — признавался Герцен в одном из писем Прудону (Герцен; 25, 284). В «Отцах и детях» философский спор разгорается в кружке Кукшиной, когда она произносит имя Прудона (см.: Соч.; 7, 65). У Лескова в «Некуда» «работает над Прудоном» карикатурная «стриженная» девица Бертольди (Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 409). См. подробнее: Шелаева А. А. Лесков и Прудон // Русская литература. 1982. № 2. С. 127.

⁹⁵ См.: Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...». С. 119—122.

⁹⁶ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 266. В поведении нигилиста современные исследователи склонны усматривать личностную и социальную закомплексованность (см.: Краснов Г. В., Викторovich В. А. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип. С. 29).

писал В. П. Боткин Фету 9 июня 1866 года, — что всклокоченные волосы и неряшливость есть отличие демократии». ⁹⁷ Стереотипно, например, описание внешности нигилиста Полоярова в «Кровавом пufe» Вс. Крестовского: «В середине стоял высокого роста господин в синих очках и войлочной, нарочно смятой шляпе, из-под которой в беспорядке падали ему на плечи длинные, густые, курчавые и вдобавок нечесанные волосы». ⁹⁸ «Тогда показались грязные лица, — вспоминал Л. А. Тихомиров, — с волосами в беспорядке, в грязных и фантастических костюмах. В разговорах они щеголяли нарочитою грубостью и выражали абсолютное отрицание авторитетов всякого рода и утрированное стремление к свободе». ⁹⁹

В антинигилистической беллетристике в качестве константных при изображении нигилистов утвердились мотивы апостольства, точнее, лжеапостольства, мессианства, вероучительства. ¹⁰⁰ Кумирами, оракулами, мессиями, почти божествами не только в глазах последователей, но и в исполненном гордыни самовосприятии (авторские акценты в каждом случае отчетливы), предстают Полояров в «Кровавом пufe» Крестовского (последователи слушают его «с весьма странною верой и раболепным благоговением (...) он давно уже привык почитать себя каким-то избранником, гением, оракулом, пророком, вещания которого решительны и непогрешимы» ¹⁰¹), младший Верховенский в «Бесах», Павел Горданов (гордыня здесь доминанта) у Лескова в романе «На ножках». «Новым апостолом», «юным апостолом» назван и Марк Волохов в «Обрыве».

Оценка Марка Волохова, впервые в обобщенном виде вынесенная ему Гончаровым в «Предисловии» к «Обрыву», с «типическими» представлениями о нигилистах в значительной степени совпадала. «Что же такое, — задавал вопрос Гончаров, — Марк Волохов у меня в романе? Это — один из недоучек, отвязавшихся от семьи, от школьной скамьи, от дела и всякого общественного труда; один из беспокойных умов, иногда очень живых и бойких, без подготовки науки и опыта, только с раздражительным самолюбием, с притязаниями на роль и значение, но без всяких прав и способов, добываемых обыкновенно дарованием, знанием и трудом. Это самозванец „новой жизни“, мнимой „новой силы“, не признанный никем апостол, понесший проповедь свою в непочатые углы мирно текущей в затишьях жизни. (...) Путеводную нитью его деятельности — если только это деятельность — служат ему его самоуверенность прежде всего да платоническая ненависть ко всяким сильным и прочным авторитетам, дерзкий, враждебный тон ко всему, что не разделяет сбора его мыслей и выражений, в которых он сам бродит ощупью, да холодный смех, зубоскальство над „мертвецами“, „тупыми людьми“, которые тихо поддаются пропаганде и стоят на своем. Это зубоскальство — служит ему чем-то вроде того, что французы называют *contenance*, ¹⁰² это ширма, за которую большею частью и нечего прятать, кроме своего бессилия» (6, 427—428).

Однако в отличие от типовых коллизий антинигилистического романа гончаровский «новый апостол» подан в «Обрыве» вне «толпы» почитателей и последователей, вне ситниковых и кукшинных, он остается в романе радикалом-одиночкой, а Вера — фактически единственной восприимчивой испо-

⁹⁷ Фет А. А. Мои воспоминания: 1848—1889. М., 1890. Ч. 2. С. 93.

⁹⁸ Крестовский В. Кровавый пuf. Т. 1. С. 54.

⁹⁹ Цит. по: Цион И. Нигилисты и нигилизм. С. 7.

¹⁰⁰ См. об этом: Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860—1870-х годов. С. 150—152.

¹⁰¹ Крестовский В. Кровавый пuf. Т. 1. С. 97.

¹⁰² манера держать себя (фр.)

ведуемой им «новой правды». В «Обрыве» поэтому при единственном персонаже — проповеднике радикальных идей среди «мирно текущей в затишьях жизни», не возникает ощущения всеобъемлющей «бездны», «смуты», «смутного времени». Время в третьем романе Гончарова, как уже отмечалось, в значительной степени условно, оно сохраняет, как и в двух предшествующих романах, свою нравоописательную природу.¹⁰³ И в этом одно из принципиальных отличий «Обрыва» от современной ему антинигилистической романистики.

* * *

В большой сопоставительной работе, посвященной «Отцам и детям» и «Обрыву», А. И. Батюто обозначил у Тургенева и Гончарова в трактовке героя-нигилиста «глубинно принципиальные разночтения»: «То, что в романе „Отцы и дети“ ставилось лишь „на вид“ Базарову (грубо-неромантическое обращение его с Одинцовой в момент любовного объяснения), дополняется в „Обрыве“ показом „падения“ Веры в „бездну“ (которая только привиделась Одинцовой) (...) „Недостатки“ Базарова размножились в характере Волохова по принципу арифметической прогрессии. Больше того, они приобрели неизлечимо-злокачественную форму. Из „героя“, каковым все-таки остался Базаров, Волохов превратился в „свинопаса“».¹⁰⁴

«Свинопасом», напомним, Волохова назвал Тургенев, писавший И. П. Борисову 14 (26) апреля 1869 года по прочтении четвертой части «Обрыва»: «И что за фигура этот блазнитель Марк Волохов? Почему этот свинопас — другого слова придумать нельзя — увлекает Веру? Где сила, красота, ум, наконец? Только и виден автор, вертящийся в поте лица...» (*Письма*; 9, 199).¹⁰⁵

Проблема генетической связи гончаровского романа с «Отцами и детьми», не раз поставленная в научной литературе, осложняется конфликтной, болезненно-острой реакцией Гончарова на известную ситуацию тургеневского «плагиата». Замысел «Обрыва», переданный им Тургеневу в устном пересказе в начале 1855 года, Гончаров, как известно, считал похищенным последним и «растасканным по клочкам» в его повестях и романах. Об «Отцах и детях» в «Необыкновенной истории» Гончаров писал: «...вышли его повести „Отцы и дети“ и „Дым“. Потом уже, долго спустя, прочел я их обе и увидел, что и содержание, и мотивы, и характеры первой почерпнуты все из того же колодезя, из „Обрыва“ (...) Он великий мастер в этих подделках или параллелях. Он, как пенку с молока, снимет слегка общую идею: отношения старых поколений с новым и — так как образы его не выражают ее пластично, то он намекает на нее в заглавии — „Отцы и дети“, например».¹⁰⁶

Единственный тургеневский персонаж (и это необходимо подчеркнуть), в котором Гончаров не нашел очевидных следов плагиата и «параллели» собственному замыслу, — Евгений Базаров. Многократно иллюстрируя примерами из тургеневских произведений свои обвинения в «заимствованиях», это «лицо» Гончаров в тексте «Необыкновенной истории» обходит. Более того, единственный раз в пассаже о Базарове звучит уникальное в обвини-

¹⁰³ Лихачев Д. С. Нравоописательное время у Гончарова // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 299—305.

¹⁰⁴ Батюто А. И. «Отцы и дети» Тургенева — «Обрыв» Гончарова: (философский и этический опыт сравнительного изучения) // Русская литература. 1991. № 2. С. 6.

¹⁰⁵ Резкие оценки «Обрыва», внимательно и пристрастно прочитанного, многочисленны в письмах Тургенева первой половины 1869 года.

¹⁰⁶ Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события). С. 211.

тельном трактате признание заслуг Тургенева-романиста: «...надо отдать полную справедливость его тонкому и наблюдательному уму: его заслуга — это очерк Базарова в „Отцах и детях“». Когда писал он эту повесть, нигилизм обнаружился только, можно сказать, в теории, *нарезался*, как молодой месяц, но тонкое чутье автора угадало это явление и — по его силам, насколько их было, — изобразило в законченном и полном очерке нового героя. Мне после, в 60-х годах, легче было писать фигуру Волохова с появившихся массой типов нигилизма — и в Петербурге, и в провинции». ¹⁰⁷

Гончаров предвидел, что его «Обрыв» читателями может быть воспринят как произведение, зависимое от тургеневского романа, и это сознание диктовало ему строки в «Необыкновенной истории»: «...когда-то еще я соберусь оканчивать роман, а он уже опередил меня, и тогда выйдет так, что не он, а я, так сказать, иду по его следам, *подражаю ему!* Так все и произошло и так происходит до сих пор! Интрига, как обширная сеть, раскинулась далеко и надолго». ¹⁰⁸

Так все и произошло. Шелгунов, например, рецензируя «Обрыв», прямо заявлял: «Прототипом Марка служит Базаров. Но Базаров лучезарнее, чище, светлее. Для изображения же Марка г. Гончаров опустил кисть в сажу и сплеча, верхковыми полосами, нарисовал всклокоченную фигуру, вроде бежавшего из рудников каторжного». ¹⁰⁹ О том же писал рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Базаров представляется — если дозволено так выразиться — *нигилистом на первом взводе*, а Марк Волохов *нигилистом на втором взводе* (...). В тургеневском Базарове выставлены напоказ только цветочки, можно сказать, нигилизма, а в Марке Волохове Гончарова представлены уже ягодки, или, вернее сказать, выставлен злокачественный *нарыв* нигилизма...». ¹¹⁰

Но так ли в действительности «злокачественно» карикатурен гончаровский нигилист?

Первое знакомство читателя с Марком Волоховым происходит в 16-й главе первой части романа, и здесь, надо признать, в репрезентации персонажа доминирует чистый комизм, лишенный какой бы то ни было антинигилистической тенденции, тот комизм, который позволил Мережковскому назвать Гончарова «первым великим юмористом после Гоголя и Грибоедова». ¹¹¹ Представляя в покаянном письме Райскому Марка, «это чудо нашего города», для которого «нет ничего святого в мире», Леонтий Козлов, хранитель старинной родовой библиотеки Райского, насчитывающей до трех тысяч «увражей», сообщает о невосполнимых книжных утратах, понесенных из-за «скверной привычки» Марка: «...когда он читает книгу, то из прочитанного вырывает листок и закуривает сигару или сделает из него трубочку и чистит ею ногти или уши» (с. 124). При этом автор дает понять, что в том забытом богом городе, в который сослан Волохов, книг не читает никто, в том числе и Райский, и единственные читатели в нем — странные, каждый по-своему «загадочные» Леонтий Козлов, Вера и Марк. Интерес к книге их объединяет, выводит за грань пространства «обыкновенного» провинциального абсурда. Таким образом, уже при первом упоминании Волохов ассоциируется с опасностью и угрозой, но с угрозой комической, и вме-

¹⁰⁷ Там же. С. 211—212.

¹⁰⁸ Там же. С. 206.

¹⁰⁹ Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность («Обрыв». Роман И. А. Гончарова. 1869 г.) // И. А. Гончаров в русской критике: Сб. статей. М., 1958. С. 246.

¹¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 3 авг. № 211. С. 2.

¹¹¹ Мережковский Д. С. Гончаров // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 466—467.

сте — со странностью, чудачеством, неординарностью, более того — со свободой, точнее, с вольницей, если вспомнить герценовское определение «базаровская беспардонная вольница».

Неоднозначность в отношении к Волохову задается еще одним признанием Козлова: «Его здесь никто не любит и все боится. Что касается до меня, то я не могу не любить его, да и не бояться не могу. Он то фуражку дорогой снимет с меня и наслаждается, если я не замечу, то ночью застучит в окна. Зато иногда вдруг принесет бутылку отличного вина или с огорода притащит (он у огородника на квартире живет) целый воз овощей. Он прислан сюда на житье, под присмотр полиции, и с тех пор город — нельзя сказать, чтоб был в безопасности» (с. 124). Следующее упоминание Маркушки звучит из уст Татьяны Марковны: по ее словам, стремящийся к свободному времяпровождению Борис Райский готов «из угла в угол шататься... как окаянный, как Маркушка бездомный!». И дальше бабушка остерегает Райского: «Где завидишь его, беги! (...) Он тебя с пути собьет!». Дополняет информацию о Марке Тит Никонич Ватугин: «Он, так сказать, загадка для всех (...) Должно быть, сбился в ранней молодости с прямого пути... Но, кажется, с большими дарованиями и сведениями: мог бы быть полезен...» (с. 216). Сообщаемые Райскому подробности множатся: выясняется, что Марк «груб, невежа», что деньги в долг он берет без отдачи, что «чуть Никола Андреевича не застрелил», что жителей города он навещает «без церемонии» — в любое время суток, через забор и через окно.

Таков, собственно, Волохов в двух первых частях романа. К концу второй части Райский, наблюдатель-художник, стремящийся «уловить главные черты физиономии» своего артистического объекта, задается вопросом: «Что он такое? (...) витает, как птица или бездомная, бесприютная собака без хозяина, то есть без цели! Праздный ли это, затерявшийся повеса, заблудшая овца или (...) русский Карл Моор», и приходит к выводу, что «Марк не заманчивый герой, а мелкий либерал» (с. 280, 285). Малосимпатичный мелкий либерализм, бесцельный и праздный, представлен в двух первых частях романа достаточно выразительно. Однако, как признавался писатель в цитированном письме к Екатерине Майковой, «Марк во 2-й части — не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й: он у меня вышел сшитым из двух половин».

В третьей части впервые звучат «quasi-новые идеи», ее открывают авторские размышления об осторожности Райского в отношении к «новейшим» молодым людям и их «более или менее блестящим или остроумным гипотезам»: «Райский считал себя не новейшим, то есть не молодым, но отнюдь не отсталым человеком. Он открыто заявлял, что, веря в прогресс, даже досадуя на его „черепаший“ шаг, сам он не спешил укладывать себя всего в какое-нибудь, едва обозначившееся десятилетие, дешево отрекаясь и от завещанных историей, добытых наукой, и еще более от выработанных собственной жизнью убеждений, наблюдений и опытов, ввиду едва занявшейся зари quasi-новых идей, более или менее блестящих или остроумных гипотез, на которые бросается жадная юность» (с. 359). Вера в этой части впервые исповедует идеи свободы, что заставляет Райского назвать ее «красной» и заподозрить, что идеи эти ей «нажужжал» какой-то «дилетант свободы» (с. 385), которым оказывается — в финальной главе третьей части — «пария, циник», представляющий себя «новой, грядущей силой», Марк Волохов. Любопытно, что именно в этой финальной 23-й главе сконцентрированы «геральдические» знаки, видовые признаки легко узнаваемого нигилиста.

В четвертой части раскрывается тайна беседки под обрывом и Волохов с его идеями quasi-свободы предстает перед читателем крупным планом.

Здесь, впрочем, ореол романтической тайны вокруг героя-любownika работает скорее на создание шиллеровских («русский Карл Моор»), а не нигилистических коннотаций. Романтическая составляющая в образе «разбойника» Марка достаточно сильна. Мотивы одинокого скитальчества, бесприютности, изгнанничества наряду с мотивом избранности в той или иной степени сближают гончаровского героя с классическими романтическими изгнанниками. Его конфликт с миром также может быть соотнесен с моделью романтического отчуждения, присутствует романтический оттенок и в сюжете «запретной» любви, в переживании любви как свободы.

У Салтыкова-Щедрина, нельзя не признать, были основания для утверждения: «Немного красок потратил г. Гончаров, чтобы нарисовать этого грубого мужчину, и мы имеем право думать, что это сделано не без умысла, потому что на палитре этого автора обыкновенно имеется большое обилие и разнообразие красок» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 69). «Почему, — задается вопросом критик, — г. Гончаров желает, чтоб герой его входил к своим знакомым не через дверь, а через окно, чтоб он спал в телеге, покрытой рогожею, почему он видит в этом признаки типа, и притом типа современного передового человека, — это одному богу известно. Российская империя никогда не оскудевала людьми, входившими в дома через окна, и не только выходившими, но даже вылетавшими тем же путем обратно, точно так же как не оскудевала и всякого рода киниками, спавшими и в телегах, и на погребницах, и под рогожами, и просто в натуральном виде. Нельзя отрицать, что это были типические черты довольно резкие, но никто никогда не думал приурочивать их к известной современности, никто никогда не связывал их с тем или другим образом мыслей. Скорее всего, на подобные выходки способны были люди, именно страдавшие отсутствием образа мыслей, нежели наоборот...» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 70).

В щедринской «Уличной философии» подзаголовок — «По поводу 6-й главы 5-й части романа „Обрыв“» — не случаен. Только в 6-й главе пятой части изложены идеи Марка, только здесь, по словам критика, автор «вводит нас в самое святилище мысли своего героя». Однако поданы эти идеи — опосредованно, «пытливо и осторожно» осмысленными, поставленными под сомнение и не принятыми главной героиней романа. Автор «Уличной философии» привел обширную, трехстраничную цитату из гончаровского текста с изложением впервые на этих страницах в подробностях представленного мирозерцания «нового апостола» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 78—80).

«После всех пришел Марк, и внес новый взгляд во всё то, что она читала, слышала, что знала, — взгляд полного и дерзкого отрицания всего, от начала до конца, небесных и земных авторитетов, старой жизни, старой науки, старых добродетелей и пороков. (...) Она с изумлением увидела этот новый, вдруг вырвавшийся откуда-то поток смелых, иногда увлекательных идей, но не бросилась в него слепо и тщеславно, из мелкой боязни показаться отсталой, а так же пытливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться в горячую проповедь нового апостола.

Ей прежде всего бросились в глаза зыбкость, односторонность, пробелы, местами будто умышленная ложь пропаганды, на которую тратились живые силы, бойкий ум, и ненасытная жажда самолюбия и самонадеянности, в ущерб простым и очевидным, готовым уже правдам жизни, только потому, казалось ей, что они были готовые. (...) Дело пока ограничивалось беспощадным отрицанием всего, во что верит, что любит, на что надеется живущее большинство. Марк клеймит это враждой и презрением (...) Он, во имя истины, развенчал человека в один животный организм, отнявши у него

другую, неживотную сторону. В чувствах видел только ряд кратковременных встреч и грубых наслаждений, обнажая их даже от всяких иллюзий, составляющих роскошь человека, в которой отказано животному. Самый процесс жизни он выдавал и за конечную ее цель. Разлагая материю на составные части, он думал, что разложил вместе с тем и всё, что выражает материя. (...) Закрывал доступ в вечность и к бессмертию всем религиозным и философским упованиям, разрушая, младенческими химическими или физическими опытами, и вечность, и бессмертие, думая своей детской трючкой, как рычагом, шевелить дальние миры, и заставляя всю вселенную отвечать отрицательно на религиозные надежды и стремления „отживших” людей. (...) Новое учение не давало ничего, кроме того, что было до него, ту же жизнь, только с уничтожениями, разочарованиями, и впереди обещало — смерть и тлен. Взявши девизы своих добродетелей из книги старого учения, оно обольстилось буквою их, не вникнув в дух и глубину, и требовало исполнения этой „буквы” с такою злобой и нетерпимостью, против которой остерегалось старое учение. Оставив себе одну животную жизнь, „новая сила” не создала, вместо отринутого старого, никакого другого, лучшего идеала жизни» (с. 658—660).

Как саркастически заметил критик, содержание «этой бесконечно длинной обвинительной речи (...) ни под каким видом нельзя собрать в один фокус (...). Наговорено очень много, наговорено, по-видимому, даже очень красиво, и вместе с тем не сказано ничего, что могла бы задержать память без исключительных усилий; не употреблено ни одного слова в его собственном значении, не выражено ничего такого, что относилось бы к делу прямо, а не бродило кругом да около. „Какой-то”, „как будто” — вот любимейшие выражения автора, вот те орудия, при помощи которых он намеревается кого-то и в чем-то убедить». Автор «Обрыва», с точки зрения критика, излагая миросозерцание Марка, «ограничился одним сухим перечнем его „новых” мыслей и затем вменил их ему в вину, не воплотив их в жизнь, то есть не дав практического исхода ни его дерзости, ни его отрицанию», «новые взгляды (...) Волохов нигде и ни в чем не высказывает», их автор романа «находит у него в голове» (*Салтыков-Щедрин*; 9; 80, 81, 84). Гончарову, считал критик, «к Волохову надо было во что бы то ни стало припиливать какую-нибудь этикетку, которая вышвырнула бы его еще далее за пределы признанного *société*. Хорошо; но в таком случае все-таки надо было бы, по малой мере, предварительно прочитать эту этикетку и объяснить ее себе» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 77).

Цинизм, хамство, занимание денег без отдачи — эти черты, как замечал Щедрин, характеризуют у Гончарова нового человека. Впрочем, добавлял он, черты это не новые, «образцы» их «мы видели у гг. Стебницкого и Авенариуса, не говоря уже о г. Писемском» (*Салтыков-Щедрин*; 9, 70). Являя собой типичный образец «уличного нигилизма», Волохов, по мнению Щедрина, в качестве «доктринодержателя» совершенно неубедителен.

Замечания Щедрина небезосновательны как в отношении сюжетно-событийной составляющей повествования в «Обрыве», так и речевой презентации персонажа. «Новые взгляды» Волохова действительно в их «практическом исходе» реализуются в романе скупо, и формулируются они героем неотчетливо, неполно, что и дало повод критику заключить, что их Гончаров «находит у него в голове». Главную свою, апостольскую, функцию, продекларированную в тексте пятой части романа, Марк Волохов в очевидной полноте и убедительности не реализует, и в повествовании, к нему относящемся, действие через произнесение (иллюция) почти не представлено.

Сказанное не распространяется, пожалуй, лишь на развернутую в диалогах Марка и Веры в четвертой и пятой частях романа позитивистскую концепцию любви, идеологом которой выступает Волохов. Этой концепции как одной из важнейших составляющих нигилистической доктрины в любовном сюжете романа уделено достаточно внимания.¹¹²

Обнаружив в «новой правде» губительный соблазн, искушение, «quasi-новые идеи», «новую неправду», Вера, пришедшая в пятой части романа к пониманию ее подлинных «источников», пытается вернуть «отщепенца» Волохова к «старой правде»: «Вглядевшись и вслушавшись во всё, что проповедь юного апостола выдавала за новые правды, новое благо, новые откровения, она с удивлением увидела, что всё то, что было в его проповеди добро и верного, — не ново, что оно взято из того же источника, откуда черпали и не новые люди, что семена всех этих новых идей, новой „цивилизации“, которую он проповедовал так хвастливо и таинственно, заключены в старом учении...» (с. 661). Героиня романа, как подчеркивает писатель в объяснениях с критиками «Обрыва», истину открывает в «уже признанных всеми авторитетах» (6, 428); ее задача — «силою любви изменить эту новую ложь на свою старую правду и обратить отщепенца в свою веру...» (8, 131).

Не столько «новую правду» ставит под сомнение Гончаров — понятие это остается в романе общей формулой, — но гордыню, саму претензию на недоверие к «старой», посягательство на нее — на ту «правду», которая, с точки зрения романиста, пребудет вечно, поскольку лежит «в основе русской коренной жизни». «Затем надо спросить еще, — рассуждал он в «Предисловии» к «Обрыву», — будто изображаемая в романе жизнь — в самом деле старая, отошедшая жизнь? (...) Если справиться с действительностью, не окажется ли, что эта старая жизнь вовсе не отошла, что быт и нравы, описанные в этом и в других рисующих старую жизнь романах, до сих пор составляют господствующий фон жизни, что, наконец, в этих самых нравах есть нечто, что, может быть, останется навсегда в основе русской коренной жизни, как племенные ее черты, как физиологические особенности, которые будут лежать в жизни и последующих поколений и которых, может быть, не снимет никакая цивилизация и дальнейшее развитие, как с физической природы и климата России не снимет ничто ее естественного клейма» (6, 443). Отстаивая непреходящие ценности национальных русских начал, Гончаров отстаивал и неизменность общечеловеческих этико-религиозных норм, восходящих к вечным евангельским истинам. «Мыслители говорят, — писал он в том же «Предисловии», возражая идеологам новейших утилитаристских и социал-дарвинистских учений, — что ни заповеди, ни евангелие ничего нового не сказали и не говорят, тогда как наука прибавляет ежечасно новые истины. Но в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания. Если путь последнего неистощим и бесконечен, то и высота человеческого совершенства по евангелию так же недостижима, хотя и не невозможна!» (6, 440—441).

* * *

Художественная убедительность созданного Гончаровым нигилиста младшими современниками писателя оценивалась по-разному. П. А. Кро-

¹¹² О ней см.: Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова. С. 86—96; Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров и русская философия любви // Русская литература. 1993. № 1. С. 48—60, и др.

поткин вспоминал: «И Тургенев, и Гончаров пытались изобразить этот новый тип в своих романах. Гончаров в „Обрыве” дал портрет с живого лица, но вовсе не типичного представителя класса; поэтому Марк Волохов только карикатура на нигилизм. Тургенев был слишком тонкий художник и слишком уважал новый тип, чтобы быть способным на карикатуру, но и его Базаров не удовлетворял нас. <...> В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе „Что делать?”, мы уже видели лучшие портреты самих себя». ¹¹³

И напротив, гораздо более убедительным, нежели тургеневский Базаров, представлялся Марк Волохов С. М. Волконскому, внуку декабриста. «Мое детство и юность, — вспоминал он, — протекали в шестидесятых и семидесятых годах. Это было время того, что именовалось нигилизмом. <...> Прочитайте „Отцы и дети” Тургенева — найдете тип нигилиста в образе Базарова; прочитайте „Обрыв” Гончарова — найдете тип нигилиста в образе Марка Волохова, более разработанный, чем у Тургенева, более вдвинутый в реальную жизнь; прочитайте, наконец, „Бесы” Достоевского — увидите их много, уже реально определившихся, вошедших в борьбу и обрисованных с той чрезмерностью, которую сообщает явлениям пророческое прикосновение к действительности...» ¹¹⁴ И дальше мемуарист размышлял: «Нигде, я думаю, как в России, критическое мышление не имело такого огульного, сплошного характера. Поражала не только одинаковость самого мышления, но и одинаковость приемов его, трафаретность его словесного выражения. <...> Воцарился какой-то галдеж, хаяние всего прекрасного и презрение к тем, кто прекрасным восхищался. Удивительна была в этой молодежи атрофия чувства красоты. Они были слепы, они были глухи к ней. <...> И они были бессильны создать. Это было поколение глумителей, хулителей, но не строителей. В науке они не оставили следа, в искусстве они были еретики, в музыке они искали „слезу”, в песне они увлекались текстом, в живописи дали передвижничество, в литературе гражданскую скорбь, в критике требование „здорового русского реализма”. Поколение недовольных, но столь же ненужных людей». «Из данной мной, хотя и беглой характеристики, — продолжает автор, — думаю, достаточно оправдывается мое утверждение, что все это больше относится к области настроений, чем к области мышления. Все это не столько наука, сколько психология или даже патология. Во всем этом напряжение, несомненно, неврастеническое, психопатическое. И это показательно для русского характера вообще. Никакой умственной дисциплины. Дисциплина вообще противна русскому характеру <...> Люди ценятся, деятельность их оценивается не в силу руководящих ими начал вечного, неизменного, бесспорного характера, а в силу одушевляющего их порыва, как все порывы — временного, как все порывы — на опасной грани бессознательного. Эта зыбкая, ненадежная сторона русского характера была той почвой, на которую падали семена отрицания и хуления». ¹¹⁵

Для Волконского-мемуариста национальная природа нигилизма в Марке Волохове узнаваема и неслучайна. И если сословная геральдика в известной степени и определяет типические черты гончаровского «отрицателя», то его человеческая подлинность очевидно перерастает ограниченность типа.

¹¹³ Крпоткин П. А. Записки революционера. С. 269.

¹¹⁴ Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 206 (гл. «От нигилистов до большевиков»).

¹¹⁵ Там же. С. 205, 208, 211, 212.